

НАДЕЖДА ПЕРВУХИНА

СПИЦЫ В
КОЛЕСЕ
САНСАРЫ

Город Щедрый

Надежда Первухина

Спицы в колесе сансары

«Первухина Надежда»

2011

Первухина Н. В.

Спицы в колесе сансары / Н. В. Первухина — «Первухина Надежда», 2011 — (Город Щедрый)

Специально для тех, кто любит все невероятное. Потрясающие приключения губернатора Юлии Ветровой, ее тетушки-ведьмы и подруги-умертвия. Вы узнаете всю правду о Шамбале и поймете, что она не так далеко от нас, как кажется. Вы столкнетесь со злом, надевшим личину добра, и добром, рядящимся в одежды зла. Вам выбирать между ними.

© Первухина Н. В., 2011

© Первухина Надежда, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	47
-----------------------------------	----

Надежда Первухина

Спицы в колесе сансары

Посвящается моей наставнице и эльфийской королеве Елене Федоровне Варламовой, без которой ничего бы не было, особенно моих книг

О благороднорожденный, при появлении этих мыслеформ не бойся, не ужасайся. Тело, которым ты сейчас обладаешь, – это духовное тело склонностей; даже убитое и изрубленное на куски, оно не может умереть. Тебе не следует бояться, в действительности твое тело есть тело пустоты. А тела бога смерти порождены твоим разумом, они тоже нематериальны; пустота не может причинить вред пустоте... Узнай это, и весь твой страх и ужас рассеются; и, достигнув состояния единства, ты станешь Буддой.

Тибетская книга мертвых

Я искал этот мир вне меня, а он был во мне.

Максим Леонидов

Россия, город Щедрый

Ранняя весна 2012 года

Все началось с этих проклятых роз.

Да нет, розы были обыкновенными – желтые бутоны, зеленые лепестки. Вот только сделаны они были из высококачественного натурального шелка, что повышало их стоимость до умопомрачительных высот. И коммерсант Валерий Алейников здраво не поверил дочери, когда та сказала, что купила эти несчастные три розы в дьюти-фри на Алексинской. Эти розы просто вывели его из себя. Бизнес рушится, можно сказать, с женой непонятки, а дочь тащит в дом всякую дрянь!

– Какого черта ты тратишь деньги? – процедил Валерий, с ненавистью рассматривая шелковый букет.

Пятнадцатилетняя Ангелина уже не была той девочкой, которую пугали одни лишь нахмуренные брови отца. Она вздернула нос и сказала:

– А чё такого...

– А то! – взорвался Валерий. – Денег скоро на жарчку не останется, а ты всякий ширпотреб домой тащишь!

– Ой, да чё ты жлобишься, – выразительно хмыкнула Ангелина. – Они и стоят-то десять баксов за все. Я в дьюти-фри купила.

– Не свисти, – проницательно заметил Валерий. – Это салонная вещь.

У них в Щедром был гипермаркет «Парадиз», а в гипермаркете салон цветов и стильных подарков «Леди Тэст». Когда-то Валерий с каждой удачно провернутой сделки покупал в этом салоне для жены и дочки всякие симпатичные безделушки вроде котят с кристаллами Сваровски или индонезийских серебряных браслетов... Но те времена прошли. Жена собрала вещи и намылилась к матери, Ангелина пока жила с отцом, бизнес которого хирел и скукоживался с каждым днем. Поэтому Валерий считал, что имеет право психануть и наорать на собственную дочь.

Он и наорал. Потом позвонил в «Леди Тэст» и сказал, что к ним сейчас придет девушка и вернет покупку.

– Сожалею, – ответила хозяйка салона, – мы не принимаем обратно проданный товар.

Валерий стиснул телефон и поплелся в гостиную. Раунд с дочерью он позорно проиграл. Плюхнулся на диван, включил плазменный телевизор. По телевизору шел «Час суда». Валерий поморщился, будто разжевал незрелый крыжовник.

Зазвонил телефон. Валерий с некоторым страхом включил прием.

– Привет, Лерчик, – с замиранием сердца услышал он до ужаса знакомый голос. – Как насчет бабла?

– Я все верну, – стараясь придать голосу уверенности, сказал Валерий. – Только дайте немного времени.

– И сколько тебе дать, Лерчик?

– Две недели.

– Много.

– Пожалуйста. Зато я верну сразу все, а не по кускам.

– Ну смотри, Лерчик. Обманешь, мы твою дочуру заберем и тоже вернем тебе ее по кускам.

– Я все верну. – В голосе Валерия прорезалось предательское дрожание. – Обещаю.

– Ну-ну...

Запикали короткие гудки.

Валерий вытер разом повлажневший лоб и выдохнул. Он здорово влип. Занял деньги под бизнес у крутых воротил, а бизнес оказался пшиком. Деньги надо было отдавать – понятно, да только где ж их взять! А тут еще дочура с ее розами дурацкими!

– Ангелина! – позвал он дочь.

Та появилась в дверях, непримиримо глянула на отца.

– Мне никто не звонил? – спросил Валерий.

– Звонили. Какая-то Анна Николаевна Гюллинг. Просила передать, что возвращается.

Валерия будто окатили холодной водой. Только этого не хватало!

Анна Николаевна Гюллинг была его сумасшедшей двоюродной теткой. Или троюродной. В общем, седьмая вода на киселе. Валерий никогда с ней не встречался, хотя жили они в одном городе – Щедром. А потом тетя умотала куда-то – то ли в Испанию, то ли во Владивосток, Валерия это мало волновало. И вот теперь она возвращалась. И ей для чего-то требовался Валерий. Ходили слухи (Валерий их не поддерживал), что Анна Николаевна была ведьмой. Что ж, если она действительно ведьма, пусть спасет бизнес Валерия и его репутацию. Он готов сейчас любым богам молиться, лишь бы...

Снова зазвонил телефон. Валерий прижал трубку к уху:

– Да!

– Валерий Александрович?

– Он самый.

– С вами говорит ваша троюродная тетя Анна Николаевна Гюллинг. Я сейчас беру такси от Холмца до Щедрого, но я подзабыла ваш адрес. Не хотелось бы плутать, я от перелета слишком устала.

– Улица Киевская, два, – автоматически сообщил Валерий.

– Благодарствую. Где-то через полтора часа я буду у вас. Надеюсь, у вас хватит гостеприимства на то, чтобы напоить чаем бедную старую тетушку?

Валерий хмыкнул:

– Хватит.

– Благодарю вас, – чопорно сказала Анна Николаевна и отключилась.

– Ангелина! – снова позвал Валерий.

– Ну чё? – Дочь лениво проволочлась до кресла и села. Точнее, плюхнулась.

– Не чё, а что, – назидательно сказал Валерий. – Анна Николаевна Гюллинг будет у нас дома примерно через час-полтора.

– И ч... что?

– Приберись в гостевой комнате.

– Ну конечно!

– Ангелина!

– Ладно, приберусь.

– И еще. У нас есть что-нибудь к чаю?

– «Октябрьское» печенье.

– Не вариант. Я иду в супермаркет. А ты проследи, чтобы дома все было прилично.

Что ж, Ангелине приходилось исполнять роль уборщицы с тех пор, как папа рассчитал полотера, домработницу и дворецкого. Жить надо скромнее и ближе к простому народу.

В супермаркете Валерий купил торт, коробку конфет, вино пино нуар и так, еще кое-чего по мелочи. Когда он вернулся домой, дочь добросовестно протирала мебель в гостиной.

– Стол сервируй, – велел ей отец.

Ангелина скривилась, но подчинилась.

Вскоре стол был сервирован к чаю, а Ангелина и Валерий приоделись для встречи. Когда на часах пробило восемь пополудни, в дверь деликатно позвонили. Валерий пошел открывать.

Он открыл входную дверь, и перед ним предстала моложавая, чуть полноватая, но все равно чрезвычайно симпатичная леди в костюме а-ля Маргарет Тэтчер. Хотя начало весны в Щедром было очень и очень прохладным, на даме не было ни плаща, ни пальто. Правда, имелась шляпка, очень хорошенькая, и перчатки. В одной руке дама держала кофр.

– Анна Николаевна? – на всякий случай спросил Валерий. Он представлял себе гостью более старой и менее импозантной.

– Она самая, Валерий Александрович!

Тетушка поставила кофр на порог и, крепко взяв троюродного племянника за оба уха, смачно чмокнула его в обе щеки. Валерий даже слегка зашатался от такого проявления родственной любви. В весовой категории он был перед тетушкой все равно что рыбачий баркас перед чайным клипером.

– Э-э, добро пожаловать в дом, – мемекнул Валерий и подхватил кофр.

Тетушка благосклонно кивнула и величественной походкой прошествовала в переднюю. Там ее встретила Ангелина.

– Линочка, дитя мое, как ты выросла! – Анна Николаевна и девочку основательно чмокнула в щеку. – Я привезла тебе кой-какие побрякушки из Толедо. Закачаешься! – Тетя вошла в гостиную, окинула все благостным взглядом и сказала: – Мне у вас нравится. Какая из комнат – моя?

Ангелина проводила тетушку в гостевую комнату. Валерий перевел дух. Все вроде прошло нормально.

Через час Анна Николаевна спустилась к чаю. На сей раз на ней было изумрудного цвета платье, затканное белыми хризантемами. Ткань была до того хороша, что Ангелина подавила завистливый вздох.

– Что ж, давайте почаевничаем, – потерла руки тетя.

– Прошу к столу.

Они расселись. Ангелина налила в чашки чаю. Анна Николаевна отпила глоток чаю «Джон Кисс» с апельсиновой цедрой и, отставив в сторону чашку, сказала:

– Полагаю, дорогой племянник, я приехала вовремя.

– Что вы имеете в виду? – удивился Валерий.

– Ваш бизнес на грани краха, в семье нелады, да еще нашлись враги, которые требуют слишком много денег.

– Откуда вы все это знаете? – потрясенно пробормотал Валерий.

– Я обладаю даром ясновидения, – просто сказала тетушка. – Да и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы определить, что на вас – на семью и на дом – наслали самую обычную порчу. Вот все и разваливается.

– Что же делать? – Валерия охватило отчаяние. Порчу ему ни за что не снять!

– Спокойствие, – сказала тетушка. – Я уже все продумала. Валерий, я займусь вашим бизнесом и вашими долгами, в то время как вы с дочерью отправитесь...

– Куда?!

– В Тибет.

Повисло молчание. Затем Валерий нарушил его робким вопросом:

– А поближе никуда нельзя?

– Нет, – отрезала тетушка. – Я сама только что вернулась из долгого путешествия, куда входило и посещение Тибета. Я вам, люди, скажу: Тибет – это нечто! Там не просто обновляется душа и пробуждаются сверхвозможности. Там человек получает шанс, в буквальном смысле слова, начать новую жизнь. Потрясающую жизнь!

– Это, конечно, замечательно, – сказал Валерий. – Но у нас нет денег на вояжи.

– Я вам одолжу! – отмахнулась как от мухи Анна Николаевна. – На священном паломничестве не стоит экономить.

– Как-то это все неожиданно, – протянул Валерий. – Что я своим сотрудникам скажу?

– Им все скажу я, – успокоила Анна Николаевна. – Решайтесь!

– Ну если деньги будут, то едем.

– Ур-ра! – воскликнула Ангелина. – Мои все офигеют. Из нашего класса еще никто в Тибет не ездил! А Тибет это вообще где?

– В Азии, – улыбнулась тетушка. – Там находится все самое выдающееся на земле: самая высокая гора Эверест, самое высокогорное озеро Намцо, самая высокогорная река Ярлунг Цангпо, самая высокогорная столица – знаменитая Лхаса, самая загадочная гора – Кайлас... Площадь Тибета в семь раз больше площади Франции!

– Лучше бы мы поехали во Францию, – пробормотала Ангелина.

– Глупеньш! – нестрого попеняла ей Анна Николаевна. – Франция – это растленная страна, где нет ничего духовного и сверхъестественного. А Тибет просто напичкан тайнами и загадками. Кроме того, в Тибете твой папа легче сможет скрыться от тех, кто активно требует с него деньги.

– Тогда решено, – сказал Валерий. – Что нам нужно собрать и что делать, чтобы отправиться в Тибет?

– Заграничные паспорта у вас есть? – спросила Анна Николаевна.

– Да...

– Вот билеты и визы. Как видите, я уже обо всем позаботилась.

– Анна Николаевна, вы просто волшебница!

– Я не волшебница, я ведьма. – Мадам Гюллинг обнажила в улыбке белоснежные острые зубки. – Просто ведьма с широким спектром благотворительности. Начинайте собирать вещи. Вы вылетаете завтра.

Назавтра бизнесмен Валерий Алейников с дочерью отправились путешествовать. Им предстояло поменять несколько самолетов и часовых поясов.

В доме бизнесмена осталась Анна Николаевна Гюллинг. Она вызвала фей, которые совершенно изменили обстановку дома. Теперь типичный евродом напоминал готический особняк. И первым делом Анна Николаевна выбросила шелковые розы, которые купила Ангелина и за которые ей так досталось.

– Безвкусица! – констатировала Анна Николаевна.

В обновленном доме появилось множество книг по оккультизму и магии, атакже колдовской посуды. И разумеется, в распоряжении Анны Николаевны оказался великолепный магический кристалл.

По нему Анна Николаевна и связалась однажды с кем-то.

– Все сделано, – сказала она. – Дом готов. Бывшие хозяева уже в Тибете.

– Отлично, – похвалил кто-то Анна Николаевну.

– Можно приступать к работам.

– Приступайте. Если хотите, возьмите ассистента.

– Я бы взяла Юлю Ветрову, но она вот уже который год губернатор Щедрого. Могут пойти нелепые слухи...

– Слухи мы пресечем. Берите Ветрову. И еще кого-нибудь, столь же энергичного. Этот дом надо вскрыть, как старый гнойник, – быстро, но осторожно.

– Хорошо, – решительно сказала Анна Николаевна. – Вскроем.

Тибет, у подножия горы Кайлас, деревня Дарчен

Ранняя весна 2012 года

И легенды, и обычная история говорят о том, что многие народы мира поклонялись некоторым горам, считая их местом, где как бы осуществляется связь между небом и землей¹. Греки поклонялись Олимпу, у персов это был массив Алборж, у китайцев – гора Суньшань. Но ни одна гора в мире не собирала столько паломников, причем принадлежащих к разным исповеданиям, как собирает сейчас священная тибетская гора Кайлас. Многие верующие считают главной целью своей жизни хотя бы однажды совершить паломничество к святыне – к дивному Кайласу. Подавляющее большинство этих верующих не особенно разбираются в разных философских и религиозных апориях и доктринах, но они твердо убеждены в одном: Кайлас – это священная гора, и она особым образом воздействует на тело и душу поклоняющегося ей человека, потому что напрямую связана с Творцом всего сущего...

Высшее счастье для паломника на Кайлас – встретить естественную смерть у подножия дивной горы, чтобы самому стать просветленным, Буддой. Паломники совершают труднейший ритуальный обход вокруг горы – священную кору. Этот обход приравнивается к молитве и символизирует причастность верующей души к великому круговороту времени и судьбы. Медитация у подножия горы Кайлас приводит к измененному состоянию сознания, почти трансу. Паломники верят, что, обойдя гору один раз, они получают отпущение всех грехов. А если совершить ритуальное обхождение (кору) вокруг горы сто восемь раз, то можно вырваться из круга сансары и попасть на следующий уровень перерождения – стать Буддой.

Путешествие к горе Кайлас является самым трудным в мире. Огромные расстояния требуют не менее пяти дней пути по Тибету даже на машинах. Это даже сложно вообразить: продуваемые всеми ветрами старые полуразвалившиеся грузовики, битком набитые паломниками, тянутся к горе с запада через Кашгар от Каракорума, с юга через Гималаи из Непала, с востока – из Лхасы. Паломники не отличаются богатством: тело закутано старыми одеялами, в мешках – ячменная мука, деревянная чашка и бутылка воды. Один раз в день паломники в этой чашке замешивают горсточку ячменной муки с водой и получаемое густое тесто съедают сырым – вот и вся еда.

...Священный Кайлас предстает пред взорами усталых путников внезапно на фоне широкого ровного плоскогорья и двух озер: Ракшас-Тал и Маносаровар. Открытая всем ветрам небольшая деревушка Дарчен, лепящаяся к подножию Кайласа, является началом и завершением внешнего обхода горы. Название Дарчен переводится как «Большой флаг», так как когда-то на стене уничтоженного ныне монастыря вывешивали по праздникам большой флаг (танку)

¹ Глава написана на основе материалов книги А. П. Редько «Тибетский гамбит» (М., 2009).

с изображением Будды. Раньше Дарчен был обыкновенной грязной неустроенной деревушкой, но при подготовке к Олимпиаде китайцы ее немного приукрасили: выстроили несколько симпатичных домиков в национальном стиле, магазинчиков и кемпинг для туристов, где за сотню юаней можно получить вполне сносное обслуживание. Но многие паломники, труда ради и благочестия, ночуют в палатках из ячьей или овечьей шерсти, не боясь простудиться на холодных ветрах Кайласского предгорья.

Бизнесмен Валерий Алейников и его дочь Ангелина после долгих мытарств остановились в крошечном гестхаусе деревушки Дарчен. Жить в палатке им представлялось невозможным. Да и в гестхаусе комнатка была донельзя убогой: старые матрасы и одеяла брошены прямо на пол, темноту едва разгоняет светильник на ячьем масле, из щелей дует...

– Вот вы и прибыли, – с сильным акцентом сказал их проводник, тибетец Друкчен. – Отдохните ночь и помолитесь, а завтра можно выходить на тропу коры.

Валерий и Ангелина были настолько измотаны беспрестанными перелетами, пересадками и мытарствами на таможнях, что убогую комнату приняли почти с радостью. Лина села на матрас, похлопала по соседнему:

– Садись, пап. В ногах правды нет.

Валерий сел.

Друкчен смотрел на пришлых белолицых взглядом, в котором мешались сострадание и легкое превосходство. Он встретил русских, как ему было указано, в одной из гостиниц Лхасы и стал их проводником. Без него они были бы как слепые новорожденные крысята – любой сапогом придавит. Друкчен постарался вселить в бизнесмена и его грудастую дочку спокойствие и уверенность. К тому же имя Анны Николаевны Гюллинг оказало на Друкчена почти магическое воздействие. Русская волшебница спасла его маленького сына от порчи, а сын – это было все для Друкчена. Жена его умерла родами, мать была так стара, что не узнавала его, и вот однажды в их квартиру в Лхасе вошла русская волшебница. Она сняла порчу и дала много денег. И сказала: «Друкчен, скоро в Лхасу приедут двое русских. Вот их фотографии. Остановятся они в гостинице Милосердного Ламы. Постарайся найти их и стань их проводником в Тибете. А о твоём сыне позаботится няня». Друкчен повиновался, потому что глаза русской волшебницы горели так, что смотреть в них было страшно. Так горят глаза дэвов и асуров. На всякий случай Друкчен решил больше молиться.

Пришел день, и в гостинице Милосердного Ламы действительно остановились русские – отец с дочерью, Друкчен узнал их по фотографиям. Дочь, Лина, очень понравилась ему. Он понимал, что отец никогда не отдаст девушку ему в жены, но помечтать было так приятно. Русская девушка выгодно отличалась от местных уроженок: у нее была стройная спина, большая грудь, красивые ноги, обтянутые настоящими джинсами, а не тем ширпотребом, которым торгуют на рынках бедных кварталов Лхасы.

Они отправились к Кайласу на старом внедорожнике Друкчена. Ехали почти неделю, ночевали кто как: Друкчен – на земле в спальном мешке (ему не привыкать), а русские – скорчившись в машине. Хорошо, что русские не экономили на еде: они запаслись консервами, вяленным мясом, конфетами, мукой, чаем, солью, купленными в Лхасе. Друкчен впервые за последние годы ел столько мяса и сладостей.

И вот наконец он привез их в Дарчен. Он много рассказывал им о Кайласе, о святости этого места, о ламах, Буддах и бодхисатвах, но старшего русского, Валерия, интересовало только одно – много ли грабителей и душегубов можно встретить на пути к Кайласу. Друкчен заверил его, что с этим у них строго. Раньше попавшимся воришкам отрубали руки, выкалывали глаза или замуровывали в пещерах, так что не всякий решается теперь напасть на паломников. Друкчен удивлялся: неужели в поход русский взял с собой какие-то драгоценности? Ведь главная драгоценность – это девушка. И еще Друкчен точно знал: у русского с собою есть

оружие – маленький, но грозный по виду пистолет. Это смущало Друкчена: как можно идти в великую кору, имея немирные мысли? Впрочем, это же русский, Будда Амитаба ему судья.

И вот сейчас белолицые сидели на матрасах, а Друкчен смотрел на них.

– Я принесу воды, – сказал он. – В десять вечера ее переключат. Вы сможете умыться.

– Умыться! – хмыкнула Лина. – Вот бы сейчас в джакузи.

– Прекрати, – вяло одернул ее отец. – Что у нас на ужин?

Друкчен вышел за водой и не слышал окончания разговора. Он взял кожаное ведро и пошел к колонке. Навстречу ему попала пара изможденных паломников-«гусениц». Эти ревнители благочестия передвигались вокруг горы особым способом, который всегда приводил Друкчена в трепет. Сначала паломник поднимает руки над головой, затем сводит их вместе перед грудью, опускается на колени, наклоняется к земле и распластывается на ней, вытягиваясь во всю длину своего тела. Замерев на несколько мгновений, паломник как бы отмечает на пыльной тропе место, куда дотянулись его пальцы, а затем встает и делает несколько шагов до этой черты. Потом все повторяется сначала и так бесчисленное число раз... Друкчен знал, что этот обряд называется «кианг-тшаг» и все в нем пропитано особой символикой. Опускаясь на колени, путник выражает желание шествовать по трем путям, ведущим в нирвану. Ложась, протянув все четыре конечности, путник просит подать ему осознание четырех великих истин учения Будды Шакьямуни. Вытягивая тело по земле, он как бы желает разорвать круг сансары. Поднимаясь же затем на ноги, он тем самым показывает, что не будет связан с материальным на всем пути к всесовершенным Буддам. Друкчен тоже хотел бы приобщиться к такой благодатной молитве, но плоть его так слаба...

Тибетец подошел к колонке и стал наполнять ведро водой. Струя была слабая, к тому же ведро подтекало. Ничего, воды, чтобы умыться, путешественникам хватит, а для питья они везут упаковку «Перье».

Он бережно завернул кран колонки, перехватил поудобнее ведро, и тут ему дорогу заступила старуха. Она была высокая, жилистая, в черных суконных штанах и китайской куртке. Голову старухи увенчивала высокая традиционная китайская прическа, в волосы был вплетен цветок пиона.

– Ты привез русских? – спросила она Друкчена на мандаринском диалекте.

– Да, госпожа, – поклонился Друкчен. В старухе чувствовалась величавость, осанистость. И еще он понял каким-то шестым чувством, что старуха очень опасна.

– Они будут совершать великую кору? – спросила старуха.

– Я не знаю точно их намерений, – снова поклонился Друкчен. – Но, наверное, будут, госпожа.

– Хорошо. – Глаза старухи на миг сверкнули, точно расплавленное золото, и Друкчен отшатнулся: неужто старуха есть божество гнева – сама Мать Падма Кротишвари?! – Послушай меня, смертный. Когда русские будут совершать великую кору, выведи их к мертвому храму Дзунг. Они должны будут кое-что узнать о себе.

– Да, госпожа. – Друкчен дрожал как в лихорадке.

– Теперь ступай. Да не расплещи воду. Твои наниматели тебе платят за хорошо выполненную работу.

И старуха исчезла. Только на земле остались две выжженные в форме ступней ямки.

Друкчен вернулся в комнату.

– Я принес воду.

– Отлично! – Лина встала с матраса. – Полей мне, Друкчен, а то у меня ощущение, что все лицо в золе.

Сначала умылась Лина, затем ее отец. Друкчен разложил на низеньком столике консервы, ячменный хлеб и открыл бутылку «Перье».

Путники кое-как обосновались у убогого стола. За стенами их ветхого пристанища выл ветер и швырял в окна снежной крупой – у подножия Кайласа никогда не бывало приятной погоды.

Насытившись (чисто символически), паломники расположились на матрасах. Друкчен помолился (русские не молились) и залез в спальный мешок. Повисла тишина. Наконец Лина не выдержала и сказала:

– Спать совершенно не хочется!

– Это кому как, – отозвался Валерий.

– Ой, пап, да ладно тебе! Мы в такое место попали...

– Да уж, занесла нас нелегкая...

– А я хочу знать. Я, например, плохо представляю себе, кто такой Будда. Бог? Или просто святой человек? И почему Будд может быть много? Друкчен, расскажи мне о Будде!

– Мои уста исполнены скверны, – сказал Друкчен.

– Ну, Друкчен...

– Хорошо, я расскажу, как смогу. – Друкчен благочестиво свел руки. – Но вы будьте снисходительны к рассказчику.

– Ладно-ладно. – Лина поправила фитилек светильника. Ячье масло, стгорая, издавало не очень приятный запах. – Мы ждем.

– Вообще, Будда – это не имя, а как бы понятие, означающее нечто отличающееся от всего живущего. Есть шесть родов живых существ: это боги, люди, духи, животные, обитатели ада с одной стороны, а с другой – Будды. Слово «Будда» означает «пробужденный», то есть существо с полным ясным сознанием. Все мы пребываем в некотором подобии сна, и только Буддам удалось проснуться.

– А как определить, Будда перед тобой или нет? – спросила Лина.

– Есть признаки Будды, основные и второстепенные. Основных тридцать два. Тридцать два признака тела Будды также называются тридцатью двумя признаками великого человека, того, кто повернет колесо сансары.

– Тридцать два признака! И ты можешь их перечислить? – Глаза Лины блеснули, а при дыхании пар вырывался изо рта маленькими облачками.

– Могу, – кивнул Друкчен. – Я проходил обучение. Тридцать два признака тела Будды суть таковы²:

руки и ноги округлые
ноги подобны ногам черепахи
пальцы на ногах с перепонками
руки и ноги мягкие и пухлые, как у ребенка
семь главных частей тела выпуклые
пальцы рук длинные
пятки ног широкие
тело массивное и прямое
колени не выделяющиеся
волосы на теле направлены вверх
голени, как у черной антилопы
руки длинные и красивые
половой орган скрыт
кожа золотистого цвета
кожа нежная и тонкая

² См.: Иллюстрированная энциклопедия буддизма. М., 2009.

каждый волосок завит в правую сторону
лицо украшено невидимыми волосинками
туловище как у льва
запястья округлые
плечи широкие
обладает способностью превращать неприятный вкус в приятный
пропорционален, как дерево баньян
имеющий ушнису – выпуклость в виде шишки на макушке головы
язык длинный и красивый
голос подобен голосу Брахмы
щеки как у льва
зубы белоснежные
зубы ровные
плотно прилегающие зубы
имеющий сорок зубов
глаза подобны сапфиру
ресницы как у быка.

– Вот таковы тридцать два великих признака Будды, – сказал Друкчен. – Их придерживаются неукоснительно.

– Интересно, – протянула Лина. – Неужели это возможно – сорок зубов? Ну то, что белоснежные, – это я понимаю, можно отбелить, сейчас все голливудские актеры с их улыбками могут записываться в Будды. Но сорок зубов? Где они поместятся? И потом, что это значит – «половой орган скрыт»? Это значит, что его совсем нет? Или как?

– То тайна, неподвластная спящему человеческому уму, – деликатно сказал Друкчен. Будь его воля, он бы показал этой грудастой русской, что такое половой орган настоящего буддиста...

– Давайте спать, – сказал Валерий. – Завтра тяжелый день. Завтра начинается эта, как ее... великая кора.

Постепенно все забылись беспокойным неглубоким сном. Ветер выл, а Кайлас ждал своих паломников.

Россия, город Щедрый

Весна 2012 года

Весна в городе Щедром – благословенное явление. Природа пробуждается после долгой и жестокой зимы, дамы сбрасывают надоевшие валенки и примеривают лаковые сапожки на каблучках... На Желтом мысу, где обычно собираются колдуны или сатанисты из клуба «Алистер», по весне расцветают трепетные подснежники и крокусы, а к крокусам подтягиваются влюбленные парочки. В бутиках объявляют распродажу, на речке с веселым названием Выпь ломается лед, и, наконец, прилетают соловьи и селятся в покрытых зеленой кисеей листовы садах. И поют. Так поют стервецы, что даже у вампиров прорезается сентиментальное настроение.

Тут надо сделать оговорку. Дело в том, что город Щедрый – это оккультный центр России-матушки. Здесь собрались всевозможные расы и виды, о которых так любят писать масти-тые и немаститые фантасты. Ведьмам, феям, вампирам, оборотням, гномам и прочей оккультной братии в Щедром очень выгодно живется. Тут каждый занят своим делом и делом на благо города и не переходит дорогу другим. Ведьмы ворожат, правда, иногда перебарщивают с заклинаниями; вампиры пьют донорскую кровь и устраивают вернисажи да концерты в местной филармонии; оборотни заняты бизнесом. И никто не позволяет себе обижать людей. Над

входом в клуб вампиров даже висит плакат: «Люди – наше главное богатство!» Так что тут все нормально.

И вот когда в такой город приходит весна, не обойтись без капельки-другой озорного волшебства. Девушки выстраиваются в очередь за приворотным зельем (хотя непонятно, зачем им оно: девушки города Щедрого самые красивые в России), юноши записываются в фитнес-клубы, чтобы подкачать одрябшую за долгую зиму мускулатуру, у оборотней начинаются ритуальные бои за самок, а потом брачные игры... Словом, все прекрасно. Приходит весна, и Щедрый блаженствует.

А сколько влюбленных! Они бредут по аллеям Водопьяновского парка, слушают соловьиное пение и тонут друг у друга в глазах. Парочки сидят на скамейках, в новооткрывшихся летних кафе и создают тот самый флер любви и романтики, от которого весной кружится голова даже у умертвий.

У Лизы Камышевой голова не кружилась. Она больше не была умертвием, была живым человеком, но радости весны были ей чужды. Как тут радоваться весне, когда вот уже два года не знаешь, что творится с твоим возлюбленным и где он!

Возлюбленного Лизы звали Лекант. Он был дхианом – существом Высшего Мира. Не ангелом, нет, он имел плоть. Дхианы – это существа, созданные волей владыки Шамбалы, мистической страны, пути в которую еще никто реально не нашел. Дхианы делятся на дхианов Порядка и на дхианов Хаоса, и так уж повелось, что дхианы Порядка – мужского пола, а дхианы Хаоса – женского. Но не следует думать, что если Порядок – то хорошо, а если Хаос – то плохо. Дхианы соблюдают равновесие и не всегда творят то, что называется добром. У Леканта, возлюбленного Лизы, была вечная противница – дхиан Хаоса по имени Лалит. И однажды, когда Лекант уже любил Лизу, Лалит принудила его к соединению ради зачатия ребенка, который повергнет в прах самих ангелов. Этот ребенок должен был стать угрозой всему человечеству и даже бросить вызов Творцу. В общем, «Ребенок Розмари» по полной программе. Лекант стал отцом ребенка, но это подкосило его волю. Он изнемогал от вины – он ведь изменил Лизе, которую любил больше всех на свете. И хотя Лиза простила его, Лекант однажды пропал. Пропал, оставив письмо, в котором цитировал «Тибетскую книгу мертвых» – «Бардо Тёдол». И Лиза поняла, что он перенесся в Шамбалу, чтобы найти и убить собственного ребенка, пока тот еще не натворил бед...

Традиционно считается, что путь в Шамбалу находится в Тибете. И Лиза, которую из умертвия снова сделали живым человеком, решила, что обязательно отправится туда, будет искать Леканта. К тому же она писала диссертацию, посвященную горе Кайлас – главной святыне буддизма. Научный руководитель Лизы, эльфийка Елена Федоровна Варламова, как раз два года назад предлагала Лизе путешествие в Тибет со студенческой группой. Лиза засобиралась, но ничего не вышло: внезапно тяжело заболела мама, и заботы о Тибете пришлось отложить на потом. Так прошли два года. И Лиза ни одного дня не проводила без того, чтобы не думать о Леканте. Ничто не спасало ее от этих мыслей: ни курсы айкидо, ни диссертация, ни домашние дела, ни даже книги Надежды Первухиной, которые она приохотилась читать в местной библиотеке.

У Лизы была подруга – ведьма Юля Ветрова. Эта ведьма прославилась многочисленными подвигами и приключениями. И вообще была авантюристкой до мозга костей. Но два года назад ее выбрали губернатором Щедрого, и Юле пришлось посолиднеть. Как губернатор она проводила в Щедром политику модернизации, борьбы с коррупцией и сокращения чиновничьего аппарата. За это Юлю любили простые щедровчане и ненавидел тот самый чиновничий аппарат. На Юлю уже совершены были два покушения и, по слухам, готовилось третье. Но Юля умела выходить сухой из воды.

Все началось ясным весенним днем, когда город был напоен ароматом нарциссов и оборотни, занятые в ЖКХ, наводили марафет к скоро грядущему празднику Победы. Юля Вет-

рова как раз побывала на одной из таких точек (возводилась мемориальная стела в честь шедровчан – участников войны), вернулась в Белый дом, подписала увольнение еще одного весьма противного чиновника и пребывала в лучезарном настроении. Она удобно расположилась за своим губернаторским столом в своем губернаторском кресле и полюбовалась свежим маникюром от салона «Мариэль». Вдоволь налюбоваться не получилось: в дверь деликатно постучали.

– Войдите! – сказала Юля и сняла ноги со стола.

Вошла секретарша Катенька.

– Привет, Катюш.

– Юлия Владимировна, я насчет кофе.

– Опять отравлен?

– Ага.

– Что на сей раз?

– Мышьяк.

– Фу как тривиально. Еще какие новости?

– Был человек от бизнесмена Галича.

– Это Галич просит у нас спилить половину Марьиной рощи, чтобы проложить скоростную трассу Дон – Скарятино?

– Да, Юлия Владимировна.

– Отказать. Я завтра самолично пролечу над Марьиной рощей и наложу охранные заклęcia. Еще что?

– Звонила Лиза Камышева, просила напомнить насчет сегодняшнего.

– О! Лизка! Отлично! Катенька, откройте окно и можете быть свободны. Я буду работать над планами по модернизации Щедрого.

– Юлия Владимировна, может, не надо?

– Чего?

– Окно открывать. На прошлой неделе в вас стреляли из автомата Калашникова, «беретты», «хеклер-коха» и арбалета.

– Вы забыли пистолет для пейнтбола, заправленный кислотой.

– Да! Верно! Юлия Владимировна, будьте осторожны!

– Ничего, Катерина, мы еще повоюем.

Секретарша открыла окно. И резко отпрыгнула. Тут же в окно влетела стрела и хищно задрожав, воткнулась в портрет президента.

– Метко, – констатировала губернаторша и, встав с кресла, выдернула стрелу. – Это уже пятый за неделю портрет президента. Катенька, повесьте новый. И можете быть свободны.

Катя кивнула и вышла.

Юля снова села в кресло. Взглядом притянула к себе телефон. Сняла трубку, набрала номер:

– Лиза, благословенна будь!

– Благословенна будь, Юля...

– В голосе слышу слезы. Опять оплакивала своего Леканта?

– Опять. Юль, если ты хочешь меня ругать, то...

– Нет, я не хочу тебя ругать. Какие новости?

– Ты разве ничего не знаешь?

– А что я должна знать?

– Два месяца назад в Щедрый приехала твоя тетя Анна Николаевна Гюллинг.

– Черт! Почему же никто меня не поставил в известность? И ты молчала!

– Я думала, у тебя хватает своих осведомителей.

– Так, ладно, проехали. И что же делает в Щедром моя тетушка, причем скрытно? Тебе не удалось узнать?

– Кое-что удалось. Юля, она заняла дом Алейниковых, ну тех твоих дальних родственников с Киевской, и что-то там городит. Я побродила около – сторожевые феи дали мне понять, что мое присутствие бестактно.

– Так-так. Про Алейниковых я что-то слышала – разорившийся бизнесмен, в семье нелады... Дочка у него, кажется.

– Да, Ангелина. Только сейчас их в доме нет. Сейчас там Анна Николаевна с феями.

– Ну что ж, меня как главную ведьму области не может не интересовать приезд такой знаменитости, как моя тетушка, да еще ее манипуляции с недвижимостью. Чужой причем недвижимостью. Лизок!

– А?

– Давай встречай меня у памятника Чкалову, как всегда. Буду через четверть часа. Проедемся до Анны Николаевны. Узнаем, как у нее дела, что она затевает.

– А если она нас погонит?

– Несущественно. Погонит – вернемся и совсем обнаглеем.

Что губернатор Юля Ветрова подразумевала под словосочетанием «совсем обнаглеем», было непонятно. Но предполагалось что-то очень неприличное.

Юля вызвала Катеньку и предупредила ее, что весь оставшийся день будет отсутствовать, поэтому посетителей следует перенаправлять к заместителю Юли – молодой, но очень перспективной ведьме Ксении. Ксения в вопросах управления собаку съела, и даже не одну, так что ей можно было доверять.

Юля на лифте спустилась на первый этаж. Улыбнулась охраннику, проходя через закрытые двери. Позвякивая ключами, отправилась на парковку. Тут среди машин других управленцев стоял ее «Порше Каррера». Юля позволила себе такую роскошь с нескольких губернаторских зарплат. Может же и она жить красиво!

Юля подошла к «порше», ласково улыбнулась в пространство и сказала:

– Ну сволочи! Опять заминировали!

Потом наклонилась и провела рукой под капотом машины. Вытащила руку. На ладони красовалось миниатюрное и очень хитроумное взрывное устройство. Юля дунула на него, и устройство скукожилось, рассыпалось прахом. Юля развеяла прах по ветру, протерла руки влажной салфеткой, которую достала из сумочки, и села в машину.

«Порше» мягко взял с места и покатил по городу, вырывая на проспект Красной Армии. Юля сама вела машину, но не забывала поглядывать по сторонам и замечать вновь появившиеся городские красоты и некрасивости.

К красотам она отнесла большой альпинарий, разбитый у салона-парикмахерской «Фигаро». Мельком отметила, что надо провести в Щедром конкурс садово-парковых дизайнеров. Уж очень, черти, стараются! Любо-дорого поглядеть!

К некрасивостям Юля с сожалением причислила облупленный фасад детской больницы номер два. Припомнила, что руководство больницы уже обращалось к мэру с просьбой о ремонте. Ну что ж, не хочет заниматься мэр – займется губернатор. Юля мысленно поставила галочку в своем воображаемом ноутбуке.

А вообще Щедрый был хорош. Эта весна превратила его в город-сказку. Все сияло, цвело, благоухало и переливалось разноцветьем красок. Даже сотрудники ГИБДД выглядели яркими как букеты.

Юля подкатила к памятнику Чкалову и остановила машину. Возле памятника был разбит крошечный скверик с клумбочками и скамейками. На одной из скамеек сидела Лиза Камышева. Завидев Юлину машину, она встала и приветственно помахала рукой.

Юля распахнула дверцу со стороны пассажирского сиденья:

– Привет, Тийя! Садись!

Прежде чем Лиза Камышева сядет в машину, надо объяснить читателям, почему это Юля вдруг назвала подругу Тийей. Дело в следующем. Лиза Камышева умерла от СПИДа и наркотиков в возрасте двадцати пяти лет. Ее родители заказали посмертное восстановление дочери, и не кому-нибудь, а Юле Ветровой, которая помимо общего колдовства умела также воздвигать мертвецов. Юля восставила из мертвых Лизу, и та в своем существовании умертвием стала носить имя Тийя. Но позже произошло чудо: к Тийе вернулась земная жизнь, и она снова стала Лизой. Но Юля иногда называла ее посмертным именем – просто так, без далеко идущих последствий. А Лиза не обижалась. Она вообще не могла обижаться на лучшую подругу.

Лиза села в машину, захлопнула дверцу.

– Включить кондиционер? – спросила Юля. – Сегодня жарковато.

– Да, если нетрудно. Я что-то слишком тепло вырядилась. Юля...

– Что, Лизочек?

– Ты сегодня не занята вечером?

– Нет. Ромул опять уехал. У него работа как у дальнбойщика – только и знает, что мотается в разъездах. А что ты планируешь на вечер?

– Может быть, опять попробуем вызвать Леканта?

– Ох, сколько уж их было, этих проб... Ладно, сделаем. Только плачь поменьше, у тебя уже синяки под глазами.

– Ты же понимаешь...

– Понимаю. Он – твоя единственная любовь. На самом деле это не так. Судьба всегда предлагает нам запасные варианты. Ты просто не хочешь оглядеться вокруг.

– Юля...

– Молчу, молчу. Ты прямо как из романа Джейн Остин – верная, непреклонная и несчастная. И что мне с тобой делать?

Лиза улыбнулась.

– Молчишь... Ну хоть улыбаешься, и то хорошо. Так. Мы почти приехали. Если не ошибаюсь, вон тот особнячок и принадлежит бизнесмену Алейникову. Только что-то больно он уж смахивает на готический замок. Не находишь?

– Нахожу.

– Подъедем поближе.

«Порше» подкатил к особняку и остановился. Юля с Лизой вышли из машины.

Их встретила тишина и сплошной железный забор.

– Мило, – сказала Юля. – А давай устроим тете сюрприз.

– То есть?

– Набросим невидимость и проникнем на территорию. Осмотримся и тут уж поприветствуем мою загадочную тетушку.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Да ладно!

Юля сплела заклинание, и они с Лизой стали невидимками.

Юля коснулась ладонью железной ограды. Проскочила синяя искра.

– На заклятии? – полувопросительно сказала Лиза.

– Ага. Но я вижу его узор. Погоди-ка...

Ведьма-губернаторша вычертила пальцем на ограде несколько знаков. Они светились алым светом и шипели, как рассерженные змеи. Потом знаки погасли, и в ограде образовалась щель, достаточная для того, чтобы в нее смогли проскользнуть две очень худенькие девушки.

– Готово, – хмыкнула Юля. – Тетушка не меняется.

Они осторожно прошли сквозь ограду, ведьма заделала образовавшуюся щель. Во дворе девушки осмотрелись.

Двор был большой. Перед особняком разбит газон с зеленеющей травкой (в смысле просто травкой, а не той самой!). По краям газона стояли два неработающих фонтана. И хоть из них не лилось ни струйки, выглядели они шикарно. Один фонтан изображал рождение Венеры, другой Геракла и лернейскую гидру. Но даже не это было главным. Главным в композиции был водоем, расположенный чуть левее дома. Над водоемом склонили ветви плакучая ива, отражаясь в нем как в зеркале.

– Так, так, – сказала Юля, внимательно вглядываясь в озерцо. – Фараонки, значит.

– Кто? – удивилась Лиза. – Какие еще фараонки?

– Не знала, что у тети есть с ними связи, – продолжала Юля. – Фараонки сейчас найти труднее, чем фей.

– Да объясни ты, что за фараонки такие, – коснулась Юлиной руки Лиза. – Русалки, что ли?

– Я про них читала. Это особая разновидность русалок. А почему их фараонками зовут... Есть легенда. Когда войско фараона, преследующее Моисея, потонуло в Черном море, все утонувшие обратились: женщины – в русалок, а мужчины – в водяных. Хотя я не знаю, что делали в войске бабы. Ну вот. До пупа у них верхняя часть тела человеческая, а ниже – рыба. Вреда они особого не причиняют и в отличие от русалок не злые. Однако могут использоваться при охране каких-нибудь объектов. Вот тетя, наверное, и задействовала фараонку. Подойдем к озерцу.

Девушки подошли к водоемчику. Края водоема были облицованы мрамором. Неожиданно по водоему прокатилась волна и выплеснула на мрамор совершенно очаровательное существо.

Это действительно была русалка, точнее фараонка. Тело у нее было белоснежное, точечное, а рыба часть светло-зеленая, блестящая, с кокетливым хвостиком. Волосы фараонки были прибраны в сложную прическу и украшены лентами. Высокая грудь скромно пряталась под сиреневым кружевным бюстгальтером.

– Благословенна будь, – сказала ей невидимая Юля. – Ты меня видишь?

– Конечно. – Фараонка улыбнулась одними глазами. Были они у нее огромные, зеленые и с вертикальными зрачками. – И тебя, ведьма ведьм, вижу, и подружку твою. Придется мне о вас оповестить хозяйку.

– Не стоит, – сказала Юля. – Пусть наш приход будет для нее сюрпризом. И потом, мы хотим осмотреться.

– Да здесь нечего осматривать, – вильнула хвостиком фараонка. – Все давно мертво. Если бы не хозяйка, тут все развалилось бы давным-давно.

– Вроде бы этот особняк недавно был построен, – сказала Лиза. – Как же так – разваливается?

– Особняк новый, а душа у него старая. Вот в чем беда.

– Не понимаю...

– Надо с госпожой говорить, она объяснит.

– С госпожой мы поговорим попозже, а сейчас осмотрим окрестности. Кстати, прелесть моя, не хочешь ли ты узнать, когда будет конец света?

Юля, спрашивая это, знала, что по легенде фараонки рыбой не кормят, дай только узнать что-нибудь о конце света. Но эта фараонка ведьме удивила. Она хлопнула по мокрому мрамору маленькой ладошкой и грустно сказала:

– Чего уж тут не знать... Двадцать первого декабря сего года ждите экологической катастрофы. Вот вам и конец света.

Юля и Лиза пораженно уставились на фараонку:

– Откуда ты знаешь?

– Весь волшебный народец знает, – сказала фараонка. – И готовится. Одни вы, люди, ушами хлопаете.

– Ладно, – сказала Юля. – Коли так, мне требуется немедленно поговорить с моей тетей. Идем, Лиза.

Они прошли мимо газона и поднялись по роскошным гранитным ступеням парадного крыльца. На огромных дверях черного дерева красовались резные драконы и пентаграммы.

– Миленько, – процедила сквозь зубы Юля, и тут с них с Лизой спала невидимость.

– Юля! – ахнула от неожиданности Лиза.

– Спокойно, – отреагировала Юля. – Это фокусы моей тетушки. Она и здесь поставила защиту. Но попытаем счастья и поступимся.

Ведьма ведьм взяла дверной молоток и постучала. Неожиданно громкий звук разнесся по внутренностям дома.

– Такое впечатление, что дом пустой, – пробормотала Лиза.

– Если в нем присутствует моя тетя, это уже не пустой дом, – сказала Юля.

Они постояли с минуту на крыльце. Потом двери медленно распахнулись.

– «Очень страшное кино» – два, – ухмыльнулась Юля.

На пороге возникла бледная девушка в длинном розовом платье. За спиной девушки трепетали большие сверкающие крылья.

– Фея! – прошептала Юля. – Так я и знала!

– Благословенны будьте, пришедшие под светлый кров, – кланяясь, сказала фея. – Госпожа ждет вас.

– А откуда госпожа знала, что мы придем? – удивилась Лиза.

– Госпожа знает все, – меланхолично заявила фея. – Идемте.

Тибет, у подножия горы Кайлас, деревня Дарчен

Весна 2012 года

Они должны были с сегодняшнего дня отправиться на великую молитвенную кору вокруг Кайласа.

Но они не отправились.

Валерий занемог.

Утром у него поднялась температура и страшно заболел позвоночник. Он стонал от боли и метался в жару. Ангелина не знала, что делать. Она обратилась к проводнику, который озадаченно смотрел на Валерия:

– Друкчен, что делать?

Тот развел руками:

– Можно отправиться обратно в Лхасу на моем внедорожнике...

– Папа не выдержит такого пути! А здесь есть врачи?

– Здесь есть только монахи и ламы...

– Кошмар! Тогда приведи хоть ламу! Наверняка они умеют исцелять, молитвой там, святой водой...

– Да, хорошо.

– А сейчас принеси еще воды и завари чай.

Друкчен повиновался. В конце концов, за повиновение ему платили. И он совсем не хотел потерять источник оплаты.

Тебетец ушел. Ангелина смочила водой носовой платок и обтерла лицо отца. Тот дрожал, метался и бредил. Ангелина наклонилась к самому лицу отца:

– Папочка, пожалуйста, выздоровей! Папочка, не оставляй меня!

Валерий открыл глаза и заговорил:

– Не бойся ослепительно-желтого ясного света; знай, что это – Мудрость; доверься ему искренне и смиренно. Даже если ты не преуспел в смирении, вере и молитве, но знаешь, что перед тобой – свет твоего собственного разума, тогда Божественное Тело и Свет соединятся с тобой нераздельно и ты станешь Буддой...

– Папа, я не понимаю, – прошептала Ангелина.

– Я умираю, дочка, – сказал Валерий. – Я не сделал тебя счастливой в этой жизни...

– Папочка, что ты говоришь! Ты поправишься, все будет хорошо!

Валерий слабо улыбнулся:

– Ладно.

Друкчен между тем набирал воду у колонки. И ему не замедлила явиться давешняя старуха. Ее глаза, как показалось Друкчену, метали молнии – о! она точно была одною из гневных божеств. А Друкчен был не тот человек, который спорит с божествами.

– Госпожа, – кланяясь, сказал он. – Мой хозяин заболел.

Старуха что-то прошипела. Потом сказала:

– Его болезнь не входит в мои планы. Он не должен был заболеть! Кто-то строит мне козни на великой коре! Послушай, Друкчен!

– Да, госпожа?

– Непрестанно молись Отцу-Матери Будде Амитабе и вези своих паломников в храм Дзунг.

– Да простит меня госпожа и не прогневается, но я не знаю, где расположен этот храм. Он на пути великой коры?

– Нет, – качнула головой старуха. – Он в дне пути от Кайласа. Садись в свою повозку и езжай без остановки на северо-восток. Храм вырастет пред тобой как огромная молитвенная ступа. Ты его не пропустишь. Монахам храма покажи больного, пусть молятся за него. А потом... Потом мы встретимся снова и я скажу тебе, что еще делать. Выполни все, что я тебе сказала, и избежешь Бардо.

– Бардо никто не избегнет, – прошептал Друкчен, но старухи уже не было. И снова в земле остались две выжженные ямки в форме ступней.

Друкчен вернулся с водой и стал заваривать чай. Когда чай был готов, он с Ангелиной постарался напоить больного. Тому, кажется, стало немного лучше.

«Как я скажу им про храм Дзунг? – размышлял Друкчен. – Русский так слаб. Разве он выдержит день пути?»

Но, рассудив здраво, он решил обратиться к Ангелине.

– Послушай, русская девушка, – сказал он, старательно выговаривая слова. – Твоего отца можно вылечить в храме Дзунг. Там целители.

«Да простит меня Будда Амитаба за эти выдумки!»

– Как туда попасть? – Ангелина обратила бледное, какое-то посеревшее лицо к Друкчену.

– Надо ехать в моей машине день пути на северо-восток от Кайласа.

– А ты когда-нибудь был в этом храме?

– Был, – нацепил ложь на ложь Друкчен. Теперь ему точно не миновать Бардо. – Если хочешь, чтобы отец исцелился, собирайся и поедem.

Ангелина лихорадочно принялась собирать вещи. Слава богам, распакованных вещей было немного. Друкчен отнес сумки во внедорожник. Затем они с Ангелиной усадили в машину больного. Тот, казалось, спал беспокойным сном и что-то бормотал во сне. Ангелина постаралась с удобством расположить отца на заднем сиденье, а сама уселась спереди рядом с Друкченом.

– Обрати свой взор к Будде, – сказал Друкчен русской девушке. – И милостивые божества исцелят твоего отца.

И они поехали на северо-восток.

Друкчен плохо помнил эту поездку. Помнил только, что дорога была плохой, ненаезженной, да и вообще звания дороги не заслуживала. Русский не приходил в сознание, а его дочь пребывала в слезах и растерянности.

К концу дня пути у Друкчена на миг потемнело в глазах. Он проморгался, не выпуская руля, внедорожник вильнул и остановился.

– Друкчен, – прошептала Ангелина, – это и есть храм Дзунг?

– Похоже на то, – растерянно пробормотал Друкчен.

Перед ними в сотне метров возвышался великолепный, весь покрытый золотом храм. Даже в бессолнечном сумраке он сиял так, что глазам было больно смотреть. Бесчисленные уровни храма украшались затейливой резьбой, реяли молитвенные флаги, и ветер донес до путешественников гул молитвенных барабанов.

– Едем, едем скорее! – заторопила Друкчена Лина.

Друкчен попытался завести автомобиль – ничего не вышло.

– Наверное, боги хотят, чтобы дальше мы шли пешком, – сказал он. – Выходи, госпожа, а я понесу на руках твоего отца.

Они вышли из машины. Друкчен прижал к себе тело русского и почувствовал, как от того пышет жаром. «Он не выживет», – мрачно подумал Друкчен.

Путешественники сделали несколько шагов, и тут перед ними предстал монах, облаченный в сияющие желтые одежды. От него исходило нежнейшее благоухание, а глаза сияли как сапфиры.

– Остановитесь, путники, ибо вы находитесь в священном месте, – сказал он по-тибетски, и понял его только Друкчен. – Снимите обувь с ног и омойтесь светом, исходящим от Калачакра-мандалы.

– О святейший, – тибетец опустил на колени и положил тело русского прямо на землю, – этот человек болен. Нас послали сюда за исцелением. Прими нас и позволь войти в храм.

– Разуйтесь, – повторил монах мелодично.

Друкчен перевел Ангелине слова монаха, и та быстро скинула кроссовки. Друкчен разулся сам и разул больного.

– Хорошо, – кивнул монах. – А теперь идите за мной в свет Калачакра-мандалы.

При этих словах монаха в небесах образовалась щель, и из нее на землю хлынул поток ярчайшего радужного света.

– О безмятежные боги, прекрасные боги, ясновидящие боги, величайшие боги, примите нас! – воскликнул, воздевая руки, монах.

Свет омыл людей, и Друкчен с радостью увидел, что русский очнулся и силится встать. Он подставил ему плечо.

– Что со мной? – прошептал русский, поднимаясь и опираясь на плечо Друкчена.

– Ты болен, – сказал монах. – Но болезнь твоя пройдет.

– Что он сказал? – спросил у Друкчена Валерий.

– Твоя болезнь пройдет.

– Это хорошо, – улыбнулся русский, и в свете радуги Друкчен с ужасом увидел, что у того совершенно черные зубы. Это гнилостная водянка, от нее нет спасения. Но как же монах говорит, что русский исцелится? Все возможно в таком чудесном месте.

– Идемте, – сказал монах и повел их сквозь свет.

Друкчен шел как будто во сне и видел, что так же идут и его русские хозяева. Неземное благоухание наполнило все вокруг, и послышались песнопения. Они приблизились к храму.

– Войдите, и да не войдет с вами ничто нечистое, – сказал монах.

Храм оказался огромным, его величина подавляла и страшила. Многочисленные ступы, изваяния Будд и бодхисатв – все было сделано из чистого золота и отделано драгоценными

камнями. Перед статуей Будды стояли огромные чаши с цветами, от них исходил изумительный аромат.

– Останьтесь здесь, на этом самом месте, – приказал монах. – Я приведу святейшего господина.

Монах ушел, и на некоторое время наши герои оказались предоставленными сами себе. Они осматривались и восхищались увиденным.

– Доченька, – сказал Валерий, – такое увидеть – и умереть не страшно.

– Папа, не надо. Ты выздоровеешь. Тебе уже стало лучше.

И тут пришел святейший господин. Его ступни не касались пола, глаза сияли, как рубины, а на одежде была выткана мандала. Святейший господин остановился в трех шагах от них.

– Подойди ко мне, о благороднорожденный, – сказал он Друкчену.

Тот опустился на колени и на коленях подполз к великому существу.

– Ничтожный склоняется пред тобой, – прошептал Друкчен, простираясь ниц.

– Встань, благороднорожденный, – сказал святейший господин. – Во имя Отца-Матери Будды Амитабы скажи: кто эти люди, что с тобой? Их карма странна.

– Святейший господин, это русские. Они приехали на Кайлас, чтобы совершить великую кору. Но вмешалась болезнь. Старший русский очень болен, святейший господин. Похоже, у него гнилостная водянка. Его дочь пребывает в страхе и растерянности. От имени русского я прошу: исцели его!

– Постой, благороднорожденный, не спеши. Скажи мне: кто дал вам знак ехать именно сюда, в храм Дзунг?

– Я не знаю ее имени, святейший господин. Это была женщина преклонных лет, но глаза ее светились, как расплавленное золото. Она повелела нам посетить храм Дзунг и указала путь. Скажи, святейший господин, неужели мы впусте прошли такую дорогу?

– Ни одна дорога не проходит впусте, – сказал архат. – Подведи ко мне больного.

Друкчен взял за руку Валерия и подвел к архату.

– Вот он, святейший господин.

– Ничего не бойся и не ужасайся, – сказал архат. – Я забираю твою душу, тело же твое поместят в одну из священных ступ. Это большая честь.

Русский ничего не понял, а Друкчен побледнел от близкого дыхания смерти.

– Твоя дочь совершит за тебя великую кору, чтобы ты смог достичь света Самадхи. А теперь удались от живых.

Архат коснулся лба русского в области третьего глаза, и Друкчен своими глазами увидел, как душа Валерия покидает тело. Душа устремилась ввысь, к потолку храма, тело же безвольно рухнуло на пол.

– Папочка! – пронзительно взвизгнула Ангелина. – Что вы с ним сделали?!

Друкчен постарался сказать ей как можно мягче:

– Твой отец ушел к Возвышенным. Молись за него, чтобы он миновал колесо сансары.

– Мой отец должен жить! – закричала на весь храм девушка, бросаясь к телу Валерия. Но тут из внутренних резных дверей храма вышли с полдюжины монахов в желтых одеждах и направились к телу русского под мелодичное позвякивание колокольчиков, что они держали в руках.

– Опустись на колени. – Друкчен дернул за руку сумасшедшую девушку. – Это священные монахи. Наверное, они заберут тело твоего отца.

Но Ангелина не опустилась на колени. Она просто рухнула в обморок. Друкчен засуетился над ней, но тут к нему обратился архат:

– Эту деву тебе суждено сопровождать во всех ее земных странствиях. За это твоя карма просветлится и ты избежешь Бардо. Ваш путь да охраняют дакини, а теперь возьми деву на руки и вынеси из храма. Уезжайте. Она больше никогда не увидит тела отца.

Друкчен поклонился архату и подхватил безвольно обвисшее тело Ангелины. Она не приходила в себя. Но Друкчен надеялся, что на свежем воздухе ей станет легче. Слишком уж сильные были ароматы благовоний, курившихся в храме.

«Почему старуха назвала этот храм мертвым?» – задумался Друкчен. Он уходил от храма, и золотое сияние меркло за его спиной. А когда у внедорожника он достал бинокль и попытался в него посмотреть на храм, то ничего не увидел, кроме многослойного тумана.

Друкчен положил Ангелину на заднее сиденье внедорожника, придал удобное положение ее голове. Красота несчастной поразила его. Казалось, она сама была дакини – святой феей, дарящей благодати смиренному человечеству.

– Очнись, Лиина. – Друкчен вспомнил, что Линой называл дочь русский. – Очнись.

Он взял бутылку минеральной воды, налил немного воды в ладонь и побрызгал Ангелине в лицо. Та открыла глаза. И Друкчен, глядя в ее глаза, вдруг понял: несчастная лишилась разума.

– Кто ты? – со вздохом спросила она Друкчена на чистейшем тибетском.

Языке, которого она абсолютно не знала.

– Я твой слуга, госпожа, – пораженно ответил Друкчен после некоторого молчания. – Я твой верный слуга.

– Да? – задумчиво оглядела его девушка. – Я не помню, чтоб мои слуги так выглядели. Впрочем, это неважно. Где я нахожусь?

– В моей машине.

– Что есть машина?

– Повозка.

– Без коней? Или яков? Странно. Но и это неважно. Раб, я не помню твоего имени.

– Друкчен, госпожа.

– Друкчен, подай мне напиток.

Друкчен подал ей бутылку воды. Она недоуменно уставилась на бутылку:

– Как этим пользоваться?

Друкчен показал на примере другой бутылки, леденя от страха. Девушка сошла с ума, это ясно! А может, и хуже – в нее вселилась чья-то бесприютная душа, которых много бродит вокруг священного Кайласа.

– Мне легче, – сказала девушка, выпив всю бутылку. – Меня мучила сильная жажда. Раб, что же ты стоишь? Садись в свою повозку и вези меня домой, да помогут тебе ракшасы.

Друкчена опять окатило холодом. Что она говорит? О каком доме?

– Моя госпожа! – сказал он, ощущая, как дрожит все тело. – Простите своего раба, но я не знаю, о каком доме вы говорите.

– Разве у меня много домов? – усмехнулась девушка. – Впрочем, ты прав: много. Так вези же меня в Шамбалу, там мой главный дом.

Магическое слово было произнесено. Шамбала. Еще мальчиком Друкчен слышал рассказы монахов и туристов об этой таинственной стране, которую обрести можно только путем глубоких духовных практик и медитации в измененном состоянии сознания. Он в глубине души верил, что Шамбала есть, но верил также, что никогда в нее не попадет. Как верил и в то, что никогда не станет Буддой.

Но где он, путь, ведущий в Шамбалу? Друкчен взмолился бодхисатвам, и тут на него снизошло озарение.

Он знает, как попасть в Шамбалу.

– Прошу вас устроиться поудобнее, госпожа, – сказал он, садясь за руль. – Ехать придется долго.

– Ничего, я привыкла к путешествиям, – сказала безумная.

Меж тем вокруг них сгустился такой туман, что нельзя было разглядеть и вытянутой ладони. Машина завелась, Друкчен крутанул руль и поехал прямо в глубь жуткого тумана.

Они ехали долго, впрочем, Друкчен в какой-то момент утратил ощущение времени. Его пассажирка меж тем пела на тибетском языке гимн плодородию. Друкчен не слышал шума работающего мотора машины, и пение было единственным звуком, скрашивающим тяжелую тишину.

Девушка пела:

О благороднорожденные, воспойте гимн великому Амитабе!
Дающему жизнь, украшающему небосвод, просвещающему все
концы земли!
Покрывающему все беззакония наши, осеняющему нас милостью,
напоющему нас праной великодушия!

У Друкчена навернулись на глаза слезы. Давно он не слышал такого проникновенного пения. Но в то же время ему было очень страшно. Он понял, что в его девушку вселилась потерянная душа, пока ее собственная душа отлетала от тела на время обморока. Но чья же это душа?

И тут земля под колесами машины кончилась.

– Амитаба! – вскричал Друкчен и понял, что они падают в пропасть.

Но откуда взяться пропасти на равнине.

Что-то здесь не так, хотел подумать Друкчен, но тут последовал страшный удар машины о камни.

– Взорвемся, – прошептал Друкчен и отключился.

Очнулся он в комнате, жарко натопленной, освещенной несколькими масляными лампами и благоухающей ароматами священных трав.

– Где я? – хрипло выдавил он, не понимая, как остался жив. Лицо горело. Значит, все-таки взрыв был.

– Тише, раб, – отозвался чей-то голос. – Лежи смирно, и я наложу на твое лицо мазь против ожогов.

Друкчен во все глаза смотрел на старца в белых одеждах, который говорил это. У старца был благообразный лик и открытый третий глаз, сияющий мудростью и милосердием. Старец взял в руки небольшую чашку и деревянной лопаточкой принялся зачерпывать из нее что-то густое и желтое. Мазь, понял Друкчен. И верно, старец принялся ловко и споро накладывать мазь на горящее лицо Друкчена. Мазь пахла травами и немного ячьим жиром. И сразу наступило облегчение, боль и жжение утихли. Друкчен удивился тому, что из всего тела чувствует только лицо.

– Кто ты, о святейший? – прошептал Друкчен.

– Меня зовут Гамба, я главный лекарь здесь, – ответил старец. – Я не почтен саном святейшего, но дело свое знаю. Принцесса Ченцэ уже оправилась от ран, полученных в ущелье Смерти, осталось тебя поставить на ноги.

– Принцесса Ченцэ? – удивленно проговорил Друкчен. – Какая принцесса?

– Ты что ж, так-таки ничего и не помнишь? – удивился Гамба. – Ты сгорел вместе с принцессой в огненной колеснице, когда достиг дна ущелья. Если бы не лучшие наши лекари, мы бы не смогли вас спасти. Но теперь в Шамбале праздник: любимая дочь вернулась на родину.

– В Шамбале? Так я в Шамбале?!

– И ты, раб, и я, и принцесса Ченцэ, и ее светлейший жених Нампхон. Всё вокруг – это благословенная Шамбала.

– Значит, я привез принцессу Ченцэ в Шамбалу.
– Ну, можно сказать, что привез.
– Я могу ее увидеть?
– Конечно. Ты же ее раб и должен служить ей. Но это случится не раньше, чем пройдут твои ожоги.
– А принцесса сильно обожглась?
– Нет, огонь не коснулся ее плоти. Именно по этому признаку мы и поняли, что перед нами давно утраченная прекрасная принцесса Ченцэ, Заря Богов.
– Господин Гамба?..
– Да?
– А почему я не чувствую своего тела? Ничего, кроме лица?
– Потому что все твое тело восстанавливается в особом растворе. Оно почти обуглилось. Для того чтобы плоть восстановилась, тебе нужно лежать в этом растворе две луны.
– Два месяца? Так долго?
– Это время пройдет для тебя незаметно. Если хочешь, я попрошу кого-нибудь из братьев петь тебе мантры или читать богоспасительные книги. К тому же скоро ты начнешь хотеть есть, а когда наполняешь желудок, жизнь не кажется такой уж мрачной. А теперь спи.
И Друкчен заснул.

Россия, город Щедрый

Весна 2012 года

Лиза и Юля оказались внутри полутемного парадного.

– Нет, ты слышала? – хорохорилась Юля. – «Госпожа знает все»! Такое впечатление, что моя тетя – инкарнация богини Дианы.

– Не злись, – мягко попросила подругу Лиза. – Куда нам идти?

Вопрос адресовался фее. Та тряхнула крыльями.

– В гостиную. Я провожу.

И нашим героиням ничего не оставалось, как проследовать за феей.

Пока шли, они оглядывались и испускали удивленные возгласы. Во внутренностях дома не осталось ничего естественного и неволшебного. На стенах висели гобелены каббалистического направления, вдоль стен выстроились железные полки с различной магической и алхимической посудой. Пахло химией и травами.

– Моя тетя решила здесь отыскать философский камень, – хмыкнула Юля.

Наконец они вошли в гостиную. Если бы бизнесмен Алейников (упокой Будда Амитаба его душу!) увидел, что сотворила в его гостиной тетушка Анна Николаевна, он немедленно умер бы опять. Нет, в гостиной вовсе не царили разгром и хаос. Просто теперь она напоминала одновременно выставочный зал зооэзотариума и алхимическую лабораторию. Вдоль стен стояли большие аквариумы и террариумы с подсветкой. В них задумчиво дремали огромные и поменьше змеи, агамы, игуаны и даже один варан. В террариумах поменьше Юля с отвращением обнаружила колонию пауков-птицеедов, черных королевских скорпионов и мадагаскарских тараканов. В центре всего этого зоологического безумия стоял стол, на котором в идеальном порядке теснились книги и бумаги, а также выключенный ноутбук. На крышке ноутбука сидела крупненькая лягушка-водонос и с подозрением поглядывала на гостей.

Но это было не все. Возле террариумов стояли столики, на которых хрупкой стайкой собрались реторты, колбочки, стаканчики, пробирочки и мензурки. В них что-то периодически побулькивало и подозрительно шипело.

Сопровождавшая девушек фея куда-то смылась. Они остались одни, не считая змей и тараканов.

Обстановка становилась нервная.

– Анна Николаевна! Тетушка! – позвала губернаторша. – Это я, ваша племянница Юля Ветрова, с подругой. Вы где? Отзовитесь!

Лягушка-водонос мрачно квакнула и спрыгнула на пол.

– Ой! – воскликнула Лиза, когда от лягушки посыпались голубые искры.

Через мгновение перед девушками стояла обнаженная Анна Николаевна Гюллинг и с сердитым весельем смотрела на них.

– Тетушка! – всплеснула руками Юля.

– Анна Николаевна! – потупила глаза от созерцания ведьминой наготы Лиза.

– Благословенны будьте, девочки, – сказала Анна Николаевна. – Минутку, я оденусь.

Ведьма щелкнула пальцами, и перед столом материализовался диван. Хороший современный диван, обитый кожей, с валиками и подушками. Тот, кто равнодушен к диванам, мог бы совершенно искренне им восторгаться: мебель была хоть куда.

На спинке дивана висел черный атласный халат. Анна Николаевна набросила его на плечи, завязала пояс и стала казаться еще стройнее, чем была обнаженной. Хотя вообще-то у нее фигура была скорее полноватая, чем худая. В общем, Мерилин Монро на пенсии, если такое возможно.

– Тетушка, вы, как всегда, очаровательны, – сказала Юля, приседая в книксене. – Позвольте познакомиться – моя подруга Лиза Камышева. Я без нее никуда.

– Если мне не изменяет истинное зрение, – сказала Анна Николаевна, – твоя подруга какое-то время назад была умертвием.

– Была, – кивнула Лиза. – Меня тогда звали Тийей.

– Возлюбленная Леканта Азимандийского? – изумилась тетя.

Лиза тут же беспардонно вцепилась ей в руку:

– Что вы знаете о Леканте? Скажите, умоляю!

Потом сконфуженно убрала руки, но стояла, заливаясь краской.

– Так, – сказала тетя, – чувствую, у всех накопилась масса вопросов. Просто так это не обсудить. Нужен чай. Идемте в столовую.

Столовая, слава богу, оказалась простой комнатой со столом, стульями и буфетом, не было в ней никаких змей и игуан. Была, правда, давешняя фея. Она сервировала стол к чаю. Пахло бергамотом и корицей.

– Садитесь, девушки, – распорядилась Анна Николаевна и села сама. Постелила салфетку на колени, обтянутые атласом халата. – Будем разговаривать, а Сентябрь за нами поухаживает.

Фея с именем Сентябрь улыбнулась и кивнула. Тут надо сказать, что феи носят или цветочные имена, или по названиям месяцев. Есть только одна фея с человеческим именем и фамилией. Она замужем за оборотнем. Но не о них сейчас речь.

Сентябрь налила в фарфоровые чашки душистого «Эрл Грея», разрешила торт и всем положила по солидному куску. Анна Николаевна отпила чаю, съела розочку с торта и наконец заговорила:

– Думаю, вам будет небезынтересно узнать о моих путешествиях и приключениях, не так ли?

– Так, – кивнула Юля.

– И о Леканте, – напомнила Лиза.

– О Леканте позже, – сказала Анна Николаевна. – Все по порядку. Я некоторое время жила в Испании после того, как мы с тобой, Юля, расстались по объективным причинам, а потом мне захотелось путешествовать. И я отправилась в Тибет.

– Ого! – покачала головой Юля, а Лиза вся напряглась.

– Конечно, в Тибет я ехала не как простая туристка. Точнее, я преследовала не туристические цели. Так будет лучше выражено. В Тибете я хотела посетить все святыни и напиться от них жизненной силой, потому что моя сила начала угасать. Видишь ли, Юля, умения обна-

ружили неоперабельный рак прямой кишки. Но я решила, что умирать мне рановато, и потому отправилась за спасением на Кайлас.

– Кайлас – это что? – спросила Юля.

– Священная гора буддистов, – сказала Лиза. – Я ж тебе говорила, я про нее диссертацию пишу.

– Я обошла эту гору по пути великой коры, совершила все ритуалы и исцелилась, – продолжала тетя. – Теперь врачи не могут понять, как это так – то был у меня рак, а теперь нет.

– Тетя, поздравляю!

– Но на великой коре я встретила одно существо.

Лиза напряглась.

– Это существо оказалось бодхисатвой, святым. Он перенес меня с Кайласа в храм Дзунг. Храм, о котором не знают даже тибетцы.

– И что же этот храм?

– В этом храме у меня была серьезная беседа с настоятелем. И он поведал мне о следующем. Когда-то на заре времен великие боги не делились на мирных и гневных. Все было гармонично и спокойно. Но так продолжалось не всегда. Однажды боги прочли книгу. Нет, не так. КНИГУ. Она называлась «Сон об оранжевом царстве».

– Никогда не слыхала.

– В этой книге было все о каждом боге и о каждом человеке. Не только о тех, что существовали на земле на тот момент, но и обо всех тех, которые лишь собирались явиться. Боги узнали о том, что они разные. В жилах одних течет темная энергия, а в жилах других светлая, и значит, боги должны разделиться на темных и на светлых, на мирных и гневных, на надземных и подземных. Так произошло первое разделение. Боги разделились и стали творить новых людей. Прежние, невинные люди были ими уничтожены во время Великого потопа.

– Почему?

– Боги решили, что эти люди знают слишком много и это знание может им, богам, повредить... Новые люди тоже, как и боги, делились на светлых и темных. Среди этих людей были сверходаренные – святые, бодхисатвы. Темные и светлые. Для своих святых боги создали две страны: Шамбалу и Шамбалу.

– Как? Шамбалу и Шамбалу?!

– Да. Святые поселились каждый в своей Шамбале и стали творить дхианов – Повелителей Миров. А боги удалились от дел, оставив все управление людям и дхианам.

– Дхиан – дыхание святых, – прошептала Лиза.

– Да. Возникли дхианы Порядка и дхианы Хаоса. Они управляют этим миром и прочими мирами. Богам же нет до нас никакого дела. Но так будет продолжаться не всегда. Богам придется дать ответ за созданные миры.

– Когда?

– Двадцать первого декабря этого года будет Высший Суд Богов. Боги спустятся на землю, и люди будут судить их по делам их.

– Этого не может быть.

– Может, – твердо сказала Анна Николаевна. – Ибо уже родился Губитель, два года он пребывает на земле во плоти, и даны ему ключи от кладезя бездны.

– О ком вы говорите? – прошептала Лиза.

– О сыне Лалит и Лаканатхи, Повелителя Миров. О сыне твоего Леканта, Лиза.

– Скажите же мне о Леканте! Где он, что с ним?!

– Где он и что с ним, никто этого не знает. Хотя, вероятнее всего, он находится там, где находится его сын. Он жаждет убить его. И мне кажется, что место действия этой драмы – Тибет.

– Лекант бросил меня, – прошептала Лиза.

– Возможно, он даже тебя не помнит. У дхианов относительно людей короткая память. Не ищи его, Лиза.

– Откуда вы знаете, что я хочу его искать?

– Это на твоём лице написано. Отчаяние и поиск. Брось, это неблагодарное дело. Лучше давайте подумаем, как составить Эликсир.

– Какой Эликсир? – удивилась Юля.

– Свойство этого Эликсира – останавливать богов. Оставлять их там, где и положено им быть – в Надмирье и Подмирье. Ведь если боги докатятся до того, что их будут судить люди, то, знаете, каков будет следующий шаг? Боги будут судить людей! А мне, например, этого ох как не хочется.

– Значит, вы приехали в Щедрый и поселились в этом доме для того, чтобы изготовить Эликсир?

– Не только. Может быть, ты не знаешь, Юленька, но с этим домом тоже не все в порядке.

Юля напряглась:

– А именно?

– В этом доме есть комната, которой нет.

Юля опешила, и даже Лиза перестала плакать:

– Погодите, погодите, что, та самая?

– Именно, – торжествуя сказала Анна Николаевна. – Так что первая моя задача – отыскать и обезвредить эту комнату. А уж вторая – составить Эликсир. И в этом мне нужна ваша помощь, девочки.

– Моя помощь, – Юля сделала ударение на слове «моя». – Лизку не трогайте. У нее один Лекант на уме.

– Вот и пусть Лиза помогает. Ей нужно забыть своего возлюбленного. Между ними ничего не может быть. Больше.

– Я помогу, – хрипло сказала Лиза. – Что надо делать?

– Пока пить чай, – мягко улыбнулась Анна Николаевна. – Дела подождут. Лиза, поймите, я ведь не зла вам желаю и не унижаю вашу любовь. Но Лекант наверняка забыл вас. Он дхиан-коган, он мыслит другими категориями. Тем более что перед ним стоит сверхзадача – убить собственного сына...

Лиза вытерла слезы и стиснула зубы.

– Хорошо. Если надо... А для чего вам змеи?

– Я собираю их яд и экскременты, – пояснила Анна Николаевна. – По наитию чувствую, что что-то змеиное должно быть в Эликсире, но что – пока не пойму.

– Погодите, это что же, – удивилась Юля, – у вас, тетя, рецепта Эликсира нет?

– Нет, конечно, – хмыкнула Анна Николаевна. – В этом-то вся и загвоздка. Если б рецепт был, Эликсир смогли бы составить школьники из кружка юного химика.

– Но как же вы?..

– Трудом, девочки, и еще раз трудом. Экспериментирую, как могу. Одной, как я уже говорила выше, трудно. И если вы мне поможете, все будет прекрасно.

– Когда приступить?

– Думаю, прямо с завтрашней полуночи. Юленька, меня только тревожит то, что ты к тому же губернатор. Как ты будешь совмещать губернаторство и алхимию?

– Морока создам. И потом. Я два года не брала отпуск. Вот и отпрошусь. Не пропадет область без меня.

– Брависсимо! Итак, девочки, сегодняшний и завтрашний дни проводите по своему усмотрению, а в полночь пожалуйста ко мне. Час ведьм победит!

– Аминь, – засмеялась Юля.

– Но я не ведьма, – сказала со вздохом Лиза.

– Ничего. Поможешь мензурки мыть. Это тоже очень важное дело.

Девушки распрощались с тетей и покинули загадочный дом. Садясь в «порше», Юля спросила:

– Куда тебя подбросить?

– В Водопьяновский парк.

– Хочешь прогуляться?

– Да.

– Лизка, а когда ты работать будешь?

– Я работаю. Пишу диссертацию.

– Я про ту работу, которая приносит денежки. Хочешь, я тебя своим пресс-атташе сделаю?

– Не надо, Юля.

– Ты здорово депрессируешь, подруга. Да пойми, Лекант твой не единственный!

– Единственный.

– Так нельзя. Ладно, поехали.

Юля от досады стрельнула молнией в ближайшую урну. Сбросила, можно сказать, негативную энергию. «Порше» покати́л в сторону главной щедровской достопримечательности – Водопьяновского парка.

У входа в парк машина остановилась.

– Спасибо, Юля. – Лиза пожала руку подруги и вышла.

– Я подумаю, как тебе помочь, – вдогонку ей крикнула Юля.

И уехала, поскрипывая шинами от большой досады. Юлю хлебом не корми, дай только сделать всех счастливыми. И то, что Лиза отказывалась быть счастливой, ее сильно напрягало.

Лиза вошла под сень Водопьяновского парка и направилась на свою любимую поляну. Здесь она два года назад обнаружила гробницу с Лекантом. Здесь они встречались, млея от любви друг к другу.

Поляна была пуста. Пуста была и скамейка, которую недавно здесь поставили, скамейка была красивая, резная.

Лиза опустилась на скамейку, стиснула руки под грудью, словно вбивала в себя таящуюся внутри боль.

– Лекант, – прошептала она. – Лекант, Лекант, почему ты меня оставил?

Она проговорила это и тут же устыдилась ненужной пафосности своих слов. Попилились слезы. Лиза сидела сгорбившись, скорчившись от боли. Так она проводила целые дни, а иногда и ночи.

Но сегодня в окружающем мире что-то произошло. Слишком уж нежно пели птицы, и слишком сладко пахли поздние подснежники. Они словно уговаривали Лизу утешиться.

Но даже не это главное.

Главное, Лиза подумала: «Если на эту поляну сейчас придет мужчина, я выйду за него замуж».

Ну приходят иногда в голову девушкам абсурдные мысли, что ж поделать. И Лиза не исключение.

Однако на полянке было одиноко. И Лиза, посидев, собралась уж уходить, как вдруг на поляну из кустов бузины выскочил мальчишка.

Нет, скорее уж юноша лет девятнадцати.

У него было сильно разбито лицо и с правой руки капала кровь. Он был измотан и перепуган.

Лиза вскочила. Она забыла, о чем думала, и сейчас хотела только одного – помочь бедолаге.

Паренек увидел Лизу. И закричал шепотом:

- Уходите! Они сейчас будут здесь!
- Кто они? – негромко спросила Лиза и получила ответ:
- Панки. Они за мной охотятся.
- Спокойно, – сказала Лиза. – Я знаю, как управляться с этой братией. А вы подойдите сюда, я вам пластырем раны заклею. У меня в сумочке пластырь есть. Бактерицидный.
- Парень, покачиваясь, подошел к Лизе.
- Уходите, – повторил он, – здесь сейчас будет избиение младенцев.
- Да, если младенцы – панки, – усмехнулась Лиза. – Я занимаюсь айкидо. Надеюсь, моих знаний хватит, чтобы пригладить пару-тройку ирокезов. Садитесь на скамейку. Я буду вашей Тamarкой-санитаркой.
- Какой еще Тamarкой-санитаркой?
- Молодой человек, молодой человек... Вы так юны, а уже забыли Агнию Барто! «Мы с Тamarой ходим парой, санитары мы с Тamarой». Помните?
- Черт, вы мне зубы заговариваете. Специально, да?
- Да. Потерпите. Это укольчик.
- Какой еще укольчик?! Вы что?
- Антибактериальный. Спокойно...
- Лиза достала из своей сумочки аптечку. Из аптечки появился шприц, наполненный рубиновой жидкостью. Лиза взяла шприц и ловко вонзила его в предплечье юноши.
- Ой!
- Ну будьте же мужчиной! Не бойтесь, это не наркотик. Это против всех бактерий и вирусов. Спецсостав Юли Ветровой.
- А, Ветровой, ну ладно.
- Юноша сел на скамейку.
- Так, теперь обрабатываем ваши порезы и ссадины... Они что, на вас с ножом?!
- А похоже, что с вилок?
- Смешно. Потерпите немного, будет щипать, это перекись.
- Уф.
- Уже все. Однако... Как они вас...
- Лиза потратила на раны молодого человека почти весь бактерицидный пластырь, но теперь за его здоровье не опасалась.
- Жить будете, – удовлетворенно сказала она.
- Спасибо вам, только это зря. Они сейчас будут здесь, и хана вашему пластырю.
- Да чем же вы так панкам насолили?
- А разве не видно? – удивился молодой человек. – Я же гот.
- Лиза осмотрела парня внимательнее.
- Ой, и правда...
- Юноша был одет во все черное – джинсы, рубашку и длинный плащ. Волосы у него тоже были длинные, забранные в хвост и неумело покрашенные черной краской. Вокруг глаз чернела чуть размазанная подводка. Смешиваясь с бледным тональным кремом, она производила устрашающий готический эффект. И еще сережка в ухе. Пентаграмма в круге.
- Уважаю готическую культуру, – сказала Лиза. – Но чтобы драться...
- Я, думаете, полез? – надулся парень. – Шел себе спокойно по проулку Чекмарева, и тут подваливает толпа.
- Проулок Чекмарева далековато. Это отсюда они вас гнали?
- Да. Их шестеро, а я один. Думаете, я трус?
- Не думаю. Шестеро, говорите?
- Да.
- Странно. Я насчитала всего четверых.

И впрямь. На поляну вывалились, дыша, как загнанные кони, четыре разноцветных и громыхающих танка. То есть конечно же панка. Их ирокезы смотрелись внушительно и грозно, а серьги в ушах звенели в унисон цепям и медальонам.

– Ага! – завопил один панк. – Он тут. Мочи его!

Несчастный гот вскочил со скамейки и подхватил с земли суковатую палку:

– Живым не дамся!

– Спокойно, джентльмены, – встала между враждующими сторонами Лиза. – Не стоит ломать друг другу носы из-за эстетических разногласий.

– Ты чё, телка? Тебе вмазать, да? А ну отвалила отсюда, – примерно так сказал главный панк, если выкинуть из его речи весь ненормативный лексикон.

Лиза поморщилась. Она не любила великий и могучий русский язык в его уличном проявлении.

– Мальчики, я вас предупреждаю: уходите с миром. Вас, кстати, было шестеро. Где еще двое?

– Тебе какое дело?

– Да, в общем, никакого. Мне же проще.

– Все, телка, ты нарвалась, – рыкнул один из панков и ударил Лизу кулаком в грудь.

Вернее, хотел ударить.

И с удивлением и диким воплем увидел, что его могучая рука вывернута под невероятным углом.

Лиза легко толкнула противника, и тот упал. Тут оставшиеся панки кинулись на Лизу, игнорируя угрозу и изображая куча-малу. Но нападение захлебнулось в зародыше. Лиза применила несколько боевых приемов из начального курса айкидо. Начальный-то курс начальный, а панков разогнал хорошо. Они в разных позах расположились на молодой травке и постанывали, ощупывая ушибленные и отбитые места.

– Ну что, – весело и яростно сказала Лиза. – Теперь ваши душеньки довольны?

Душеньки кое-как встали, и главный душенька спросил, сплевывая кровь:

– Ты кто, стерва?

– Общество по охране ежейков, – отрекомендовалась Лиза. – Извините, беджик забыла. Вам мой телефончик дать, если захотите добавки?

– Сука, – невежливо подал голос помятый ирокез. – Мы же тебя распнем, вот погоди, наши еще подойдут... Ты пожалеешь, что родилась!

– Ну-ну, – усмехнулась Лиза. Еще никогда за последние дни она не чувствовала себя такой живой и наполненной. – Жду не дожусь.

Конечно, ей в некоторой степени было страшно. Страшно покалечить неплохих в целом ребят. Они же не виноваты, что сделались панками.

Так. Тут надо сделать пояснение. Когда Лиза умерла и стала умертвием, к ее способностям прибавилась большая физическая сила. Она могла запросто ломать людям руки-ноги и выворачивать пальцами шурупы из стен. Когда же Бог снова даровал ей обычную человеческую жизнь, сила никуда не делась. Хуже того. Сила *удвоилась*. И поэтому Лиза занималась айкидо, чтобы научиться соразмерять свою силу и не рвать деревья с корнем.

– Мальчики, – сказала Лиза, – уходите. Я не хочу делать вас инвалидами. А придется, если вы не отстанете.

И тут на поляну ступили еще два героя. В смысле панка. Были они рослыми и крутыми во всех отношениях. А еще один был вооружен ножом, а другой – пневматическим пистолетом.

Лиза посмотрела на них с участием.

– Да вы уже не мальчики, но мужички, – протянула она почтительно. – Дяденьки, а зачем вам ножик и пистолет?

– Надо, деточка, – процедил сквозь зубы один дяденька, а другой, с пистолетом, сказал:

– Ты ложись, сука, и подол задери. И молчи, пока все мы тебя не попользуем.

– Хо-хо, – сказала Лиза. – День перестает быть томным. Так. Или вы сейчас же сдаете мне оружие и идете со мной до ближайшего отделения милиции, или я за себя не ручаюсь.

Ответом ей был разнообразный и изощренный мат.

– Ну что ж, – вдохнула Лиза. – Голосу разума вы не вняли. Идиоты.

– Я тебя порежу, сука! – взревел амбал с ножиком и кинулся на Лизу. Она поднырнула ему под руку и нанесла удар по почкам. Амбал сразу сквелился. Подвывая, он рухнул в ближайшие кусты. Панки закучковались и зашептались.

– Дальше вам будет только хуже, – сказала Лиза. Она отобрала нож и подошла к тому, кто с пистолетом. – Отдайте пистолет. Ну!

Панк затрясся и нехотя отдал оружие.

– Как не стыдно, – сказала Лиза. – Вы позорите всемирное панковское движение. Вас бы отшлепать, но мы спешим. Гот... Эй, гот!

А гота-то на полянке и не было. Не успела Лиза заметить, как он смылся. Это девушку немного раздосадовало. Она, можно сказать, его защищала, а он деру дал.

Но тут произошла смена действующих лиц. На поляну выскочил наряд милиции с дубинками и наручниками. Они, вопя и раздавая пинки, похватывали хулиганов, а Лиза отдала им конфискованное оружие.

– Ты как, цела? – спросил у Лизы майор Копчиков. Она его знала с тех пор, как приходила в отделение милиции читать лекцию о Шамбале.

– Цела, товарищ майор, а кто вас вызвал?

– Да парнишка какой-то, весь в черном. И глаза черным намазаны. Влетел в отделение, наводку дал и смылся.

– А пластырь на нем был?

– Вроде был.

– А, тогда я этого мальчика знаю. Вы не обращайтесь на него внимания, он местный душевнобольной, под гота косит.

– Ладно. Спасибо тебе, Лизок, что хулиганов задержала. Грамоту тебе выпишем.

– Да я и без грамоты...

– Ничего, ничего, страна должна знать своих героев. Шла бы ты, Лиза, к нам в милицию работать.

– Товарищ майор, да я вроде диссертацию пишу...

– А диссертация оперативной работе не помеха. Сначала посидишь в отделе борьбы с малолетними преступниками начальником по воспитательной работе. Лекции считаешь наркоманам там, проституткам малолетним.

– Да я и так считаю...

– О, кстати! У нас со следующей недели начинается декада профилактики наркомании среди подростков. Лизок, я тебе позвоню тогда? Придешь, лекцию считаешь?

– Конечно. В любое время.

Милиция и панки удалились. Полянка выглядела помято, но Лиза не торопилась с нее уходить. Боевой запал прошел, и опять на девушку навалилась тоска. Лиза села на скамейку и обняла себя руками.

– Лекант...

Вот если бы он был здесь, разве пришлось бы ей самой возиться с этим отребьем? Впрочем, дело не в этом, она сильная и, с божьей помощью, может многое. Но если бы Лекант был здесь, какое бы это все-таки было счастье!

Она вспомнила его ласковые и в то же время тревожные глаза, мягкий голос... Тыфу, нет, так нельзя! Это в сентиментальных романах серии «Роковой соблазн» можно так убиваться по пропавшему возлюбленному, а она не героиня романа!

Лиза принялась копаться в сумочке, искать носовой платок. Все-таки тушь подтекла, надо было привести себя в порядок. Она достала платок, зеркальце и принялась наводить марафет.

Неожиданно в зеркальце отразилось движение. Лиза обернулась. Перед нею стоял многострадальный гот с букетиком весенних цветов.

– Это тебе, – протянул гот цветы.

– Спасибо, – механически приняла цветы Лиза. – А в честь чего?

– Ты спасла мне жизнь.

– Ну это громко сказано.

– Нет, спасла. И я тебе очень благодарен.

– Да ладно. А я уж подумала, что ты сбежал.

– Я в милицию бегал.

– А, так это по твоей наводке они явились?

– Да.

– Тогда ты мне тоже жизнь спас. Мы квиты. Половина этого букета предназначается тебе.

– Нет, что ты!

Лиза засмеялась, увидев нарисованный на лице гота испуг.

– У тебя подводка размазалась, – сказала она парню. – У меня черный карандаш есть, хочешь, подведу?

– Давай, – обрадовался гот. – А то у меня вечно неровно получается. Никак руку не набью.

– Ну если будешь связываться со всякими панками, руку вообще сломаешь. Так. Сиди спокойно.

– Ум-м. Кстати, меня зовут Глеб.

– Очень приятно. Я – Лиза. Ты где учишься, Глеб?

– В технологическом институте. Химия пластмасс. А ты где?

– Ну, я свое отучилась. Я уже большая девочка.

– Да ладно. Тебе больше двадцати не дашь!

– Мерси. Мне двадцать семь.

– Да ты что! Не верю.

Лиза засмеялась и убрала карандаш.

– Все, готова твоя подводка. На, смотри.

Она протянула Глебу зеркальце.

Тот посмотрелся:

– Отлично! Похож я на вампира?

– А ты что, хочешь быть вампиром?

– Нет. Я хочу быть похожим на вампира. Сечешь разницу?

– Секу. Ну ладно, Глеб, мне пора.

– Подожди!

– Что?

– Ну... Давай я тебя в кафе свожу.

– Зачем?

– Выпьем кофе, поболтаем. Разве двум людям не о чем поговорить? Или тебе неудобно, что знакомые могут заметить тебя с готом?

– Нет, все нормально. Идем в кафе. А в какое?

– Тут есть одно, ориентальное. Называется «Дневник».

– Так там же, наверное, одни студенты собираются.

– Ну и что.

– Ладно, пойдем.

Они добрались до кафе, сели за свободный столик. Глеб заказал им кофе и пирожные. Слава богу, кафе было почти пустым, так что на них – великовозрастную даму и почти пацаненка – никто не обращал внимания.

Лиза пила кофе и опять наслаждалась этим простым процессом – пить. Когда она была умертвием, вода была ей запрещена в любом состоянии. И вот теперь...

– Расскажи мне о себе, – ни с того ни с сего сказал ей Глеб.

– Что именно тебя интересует?

– Ну, например, замужем ли ты?

– Замужем.

– И кто твой муж?

– В смысле?

– Кем работает?

– А, он логист в одной фирме. Он у меня тихоня, программист по образованию. Весь в своих компьютерах.

Лиза лгала и не понимала, зачем лжет. Но ложь лилась с ее языка свободно, как многоструйная река. В самом деле, не о Леканте же рассказывать этому мальчику! Только нарываться на сочувствие и плохо завуалированную жалость.

– А твой муж знает, какая ты драчуня? – усмехнулся Глеб.

– Да, он в курсе, – улыбнулась и Лиза. – Мы с ним совпадение противоположностей.

– А дети есть?

– Детей мы еще не планировали. Сначала я должна защитить диссертацию.

– А ты пишешь диссертацию?

– Ага.

– О чем?

– О священной горе Кайлас. Знаешь, это сакральное место для всех буддистов, находится в Тибете.

– Знаю, – неожиданно сказал Глеб. – Я там был с приемным отцом. А скажи...

– Нет, погоди, хватит строить мне допрос. Лучше расскажи-ка ты, как учишься.

– Нормально учусь. Без троек.

– А девушка?

– Что девушка?

– Твоя девушка как учится?

– Не знаю. У меня нет девушки.

– Слу-у-ушай! Это недочет, который легко поправить. У меня есть знакомая фея...

– Нет, ради бога, не надо меня ни с кем знакомить! Хочешь, я лучше расскажу тебе, как был на Кайласе?

Лиза притянула к себе тарелку с пирожным:

– Рассказывай.

Шамбала

Время неизвестно

Друкчен утратил ощущение времени. Боль наполняла все его существо, но лекари делали все возможное, чтобы облегчить эту боль. Они давали Друкчену питье, в состав которого наверняка входили наркотики, в результате чего он терял связь с реальностью и видел то, что видеть просто невозможно.

Так однажды он увидел возле своей кровати чудовище. Это была гигантская сороконожка, в рост человека, с черным лоснящимся телом и многочисленными оранжевыми суставчатыми лапами. Самое ужасное, что у нее была человеческая – девичья – голова. Сороконожка

обратила к Друкчену свое лицо, и он был потрясен, узрев, как прекрасно это лицо. Он никогда не видел таких красавиц! Но тело, тело сороконожки!

– Это Бардо, – прошептал тогда Друкчен. – Я попал в ад.

Он долго кричал, и сороконожка пропала. Зато со временем вокруг импровизированного ложа Друкчена появились плотные белые занавеси. Главный лекарь сказал, что это нужно для того, чтобы к Друкчену не поступало ничто низменное и загрязненное. А однажды, меняя раствор, в котором находилось тело Друкчена, лекарь сказал:

– Друкчен, принцесса Ченцэ оправилась от болезни и хочет поговорить со своим спасителем.

– А кто ее спаситель? – удивился Друкчен.

– Ты, глупец! Жди, скоро она придет к тебе.

Друкчен равнодушно кивнул головой. Его не волновала принцесса. Он думал о том, сможет ли когда-нибудь ходить и вообще ощущать свое тело.

Однажды, когда Друкчен лежал, забывшись сном, к нему пришел лекарь и разбудил его.

– Друг мой, – сказал лекарь. – Сюда пришла принцесса Ченцэ. Она будет сидеть за занавесью, потому что тебе не положено глядеть на лицо принцессы. Но вы поговорите.

– Хорошо.

Он снова задремал, а проснулся оттого, что мелодичный женский голос за занавесью спросил его:

– Друкчен, можешь ли ты говорить?

Он хрипло выдавил:

– Могу, госпожа.

– Я принцесса Ченцэ, которую ты спас в огне колеса сансары. Я благодарю тебя.

– Принцесса... – пробормотал Друкчен. – Вы что-нибудь помните о своей прошлой жизни?

– Я помню лишь, что рождена была в Шамбале императором-пророком Эли и императрицей Ен. Я выросла в Шамбале, но потом должна была отправиться в земли плоти, чтобы набраться поверхностных знаний. Видишь ли, мои венценосные родители готовили меня к тому, что я со своим супругом принцем Нампхоном после свадьбы буду править землей плотских людей. Таких, как ты.

– Не понимаю.

– Все просто. Шамбала – это надмирье, жилище светлых дхианов, бодхисатв и богов. Здесь также живут и люди, но те, которые победили свою плоть и получили в дар от Будды великие свойства.

– Какие же это свойства?

– Чтение мыслей, полет, управление космосом. Свойств много, и, пройдя сквозь очистительные страдания болезни, ты в этом убедишься.

– Значит, я сейчас в Шамбале?

– Конечно, Друкчен.

– Принцесса, я не пойму одного.

– Чего ты не можешь понять, Друкчен?

– Когда ваш отец, русский по имени Валерий, умер в храме Дзунг, вы помнили о том, что являетесь тоже русской – девушкой по имени Ангелина. И я разговаривал с вами как с русской. Вы так переживали о смерти своего отца!

Занавесь колыхнулась. Наступило молчание. Друкчен подумал было, что принцесса ушла, но нет, она заговорила вновь:

– Друкчен... То, о чем ты только что сказал мне, на самом деле не есть реальность. Не есть моя и твоя жизнь. Это мыслеформы, которые создало наше болезненное сознание, сгорая

в огне. На самом деле я никогда не была русской и мой отец – император Эли – жив. Что ты скажешь на это?

– Мне нечего сказать, госпожа. Мой ум изнемог.

– Отдохни, Друкчен. Скоро я еще навещу тебя.

И в самом деле, принцесса довольно часто навещала своего слугу – в благодарность за спасение. Она рассказывала ему разные истории, а Друкчен слушал.

Однажды он попросил принцессу:

– Госпожа, расскажите мне о Будде.

– Что ты хочешь знать о Будде? – переспросила принцесса.

– Все, что вы найдете нужным мне сказать.

– Хорошо. – Занавесь колыхнулась. – Я расскажу тебе о Будде.

РАССКАЗ ПРИНЦЕССЫ ЧЕНЦЭ

В городе Капилавасту, в срединной Индии, жена царя Шуддходаны именем Махамая увидела чудесный сон: ей приснилось, что боги, стражи четырех сторон света, перенесли ее на горы Гималаи и здесь оставили на ложе под тенистым деревом. Явились затем богини, супруги тех богов, омыли ее в священном озере и одели в небесные одежды, и она вновь возлегла, и вдруг явился белый слон и вошел в ее правый бок.

Наутро царица рассказала свой сон царю; позвал он звездочетов объяснить чудесный сон, и сказали звездочеты, что у царицы родится сын, и если он останется в миру, то будет царем всей земли, а если станет отшельником, то будет Буддой и учением своим просветит весь мир.

И стала царица ждать рождения сына, и когда пришло время, она захотела отправиться в сад; и здесь, стоя под деревом, она родила сына, который чудесным образом вышел из правого ее бока. И произошло чудо: младенец сделал семь шагов и издал победный клич, возглашая как победитель в борьбе.

Затем мать и ребенка отвезли во дворец. В то время жил мудрый отшельник Асита, и дано ему было понять, что родился тот, кому суждено стать Буддой, и радостный поспешил он во дворец, стал просить, чтобы показали ему мальчика-царевича. Царь велел принести сына, и мальчик положил ноги свои на голову отшельника, который преклонился перед младенцем, ибо понял, что перед ним тот, кто будет спасать людей.

На пятый день нарекли царевича именем Сиддхартха – «Цели достигший». И прорицатели сказали, что станет он отшельником и Буддой. Когда царь спросил их, что же побудит царевича стать отшельником, прорицатели ответили: «Четыре встречи: со стариком, больным, мертвецом и монахом». Решил царь уберечь царевича от этих встреч, чтобы остался он в миру, и велел он окружить Сиддхартху охраной и не допускать его никогда к старикам, больным, мертвецам или монахам.

Вырос царевич, и царь захотел его женить. Перед тем он построил ему три чудесных дворца, дворцы были полны прислужников и прислужниц, и было в них много танцовщиц, которые улаждали взор царевича плясками. Дворцы стояли среди садов, в садах были пруды, покрытые лотосами – белыми, голубыми, красными. Царевич был одет в тончайшие и драгоценнейшие ткани, самоцветы блестели в его головном уборе, на браслетах и кольцах. Над царевичем всегда держали белый зонт, дабы не касались его лучи солнца, дождь и пыль.

Когда царь задумал женить сына, он прежде всего подумал о своих родичах Шакихах и стал среди них искать жену юноше. И нашел он царевну Гопа, красивую, умную, добродетельную, и к тому же она нравилась царевичу.

Отпраздновали свадьбу царевича, и зажил он счастливо в трех своих дворцах. Но близилось время, когда предстояло ему покинуть отчий дом, и семью, и радости семейной жизни и

идти искать одному в пустыне ответ на вопрос о том, как спасти людей от смерти, страданий и перерождений.

Захотелось однажды царевичу поехать по садам и рощам, и велел он запрячь колесницу. И когда он ехал и любовался деревьями и цветами, вдруг увидел перед собою человека: седого, беззубого, согбенного, который с трудом двигался, опираясь на посох. Спросил царевич возницу:

- Что это за человек, который не похож на других людей?
- Это старик, – ответил возница.
- А я тоже буду стариком? – спросил царевич.
- И ты будешь стариком, и я буду, – ответил возница, – все подвержены старости.
- Довольно на сегодня прогулки, – сказал царевич. – Вернемся.

И когда они вернулись, царевич сел в своем дивном дворце и стал думать: «Горе тому, что рождается, ибо в том, что рождается, проявляется старость». Велено было певицам и плясуньям увеселять тогда царевича, но он сидел и не слушал пения, не смотрел на пляски, думал он о юности и о старости, и радость юности ушла из него.

И опять прошло время, и поехал царевич по своим бесчисленным садам и рощам, и увидел больного: уродливого, покрытого язвами и гнойниками, страждущего, мучающегося, и спросил царевич возницу:

- Кто это?
- Больной, – отвечал возница.
- А я буду больным?
- И ты, и я, и любое рожденное существо не избегнет болезни.
- Вернемся, – сказал царевич.

И еще глубже он погрузился в думу о старости и болезни, и ничем не могли его отвлечь от этих тяжелых мыслей.

В третий раз выехал царевич, увидел толпу плачущего народа и лежащего на носилках бездыханного человека.

- Кто это? – спросил он.
- Это умерший.
- Подъехал царевич ближе к покойнику и снова спросил:
- А что же такое умерший человек?

– Умерший – это тот, кого ни мать, ни отец, никто из близких никогда уже не увидит; это тот, кто ни мать, ни отца и никого из близких никогда уже не увидит.

- А так будет и со мной?
- Да, и с тобой, и тебя не увидят более близкие, когда ты умрешь, и ты их не увидишь.
- Довольно прогулки, – сказал царевич. – Вернемся.

И опять, в четвертый раз, выехал Сиддхартха и увидел человека бритого, в коричнево-красном скромном одеянии, и спросил возницу:

- Кто этот человек, у которого голова не как у других людей и странная одежда?
- Это отшельник, – отвечал возница.
- А что такое отшельник?
- Отшельник – человек, живущий благой жизнью, сострадательный ко всем существам, следующий истинному учению.

Возвратился царевич в свои покои и погрузился в думы, и никто не мог развлечь его. Почувствовал он, что настало время для новой жизни, вступления на путь отшельничества. Пошел он к двери и позвал, и откликнулся его возничий, и велел он тому оседлать коня.

И сел царевич на коня, и поехал к городским воротам, весь же город был погружен в глубокий сон. Ворота открыло божество города, и Сиддхартха выехал. Но в то же мгновение предстал пред ним Мара-искуситель, бог любви и бог смерти, и вскричал:

– Вернись, через семь дней ты станешь царем и будешь владычествовать над всею землею!

Ответил царевич:

– Не нужна мне власть царя, я иду, чтобы стать Буддой.

И сказал тогда Мара:

– Отныне ни на шаг не отойду от тебя и буду следить за тобой, чтобы знать, когда у тебя явится хотя бы мысль о страсти, недоброжелательстве или зле.

Отъехал царевич далеко от родного города и сошел с коня; от горя предстоящей разлуки конь тут же умер. Сиддхартха мечом отрезал себе волосы, отдал меч и драгоценности своему верному возничему и пошел куда глаза глядят. По дороге он у встречного человека обменял свое платье на рубище; так он стал отшельником и встал на путь искания истины.

Пошел отшельник к мудрым учителям и у ног их слушал учение их, но ни один учитель не убедил его. И стал он тогда в одиночестве предаваться созерцанию, подавляя в себе все желания и потребности. Остались от него только кости и кожа, и стал он весь черный от голода и изнурения. Всячески скрывался он от людей, чтобы никого не видеть и самому не попадаться никому на глаза. А иногда он спал на кладбище среди трупов. Но, сколько он ни истязал себя, сколько ни уничтожал свою плоть, не получил тем самым просветления и совершенства духовного.

И вот вновь предстал пред ним Мара-искуситель и стал искушать его: «Ты худ, ты бледен, близка к тебе смерть. Для живущего жизнь лучше. Живя, ты станешь делать добрые дела». Но отверг отшельник искусителя, который семь лет преследовал его. И послал к нему тогда Мара своих трех дочерей: Вожделение, Неудовлетворенность и Страсть, они явились в образе прекрасных девушек и стали искушать Сиддхартху. Но он молчал, ушедши в себя, и даже не обратил на них внимания.

Все далее и далее размышлял он и понял, что не голоданием и самоистязанием достигнет он высшего познания, ибо голод только обессилил его, и сказал он себе: «Приму пищу». И вкусил он риса и похлебки. В то время как он подвизался, около него было пять нищих монахов, которые ждали, что самоистязанием он достигнет истины. Когда же монахи увидели, что отшельник ест, то сказали: «Он излишествует, оставил он искание главного». И ушли от него.

Освободившись от ослабления телесных сил, которое мешало созерцанию и размышлению, Гаутама углубился мыслями в рассуждение о том, где искать спасения, освобождения от страдания. И постепенно понял он, что сущность преграды к спасению в существовании и в неведении, в дурных помыслах, дурных словах, дурных делах. И беспокойство в нем стало сменяться спокойствием, ведение победило неведение, и наступило для него прозрение: «Неразрушимо отныне мое освобождение, это мое последнее перерождение, нет для меня иного существования». И стал он тогда просветленным – Буддой...³

– Отчего ты молчишь, Друкчен?

– Я слушаю вас, госпожа. Ваш рассказ проникает прямо в мое сердце.

– Твой голос дрожит, Друкчен.

– Это оттого, что я плачу, госпожа.

– Отчего же ты плачешь?

– Эта история... Она так прекрасна, а я так несовершенен. Во мне много грехов и страстей. У меня плохая карма.

– Но ты же знаешь, что можешь избежать законов кармы и достичь просветления.

– Как?

– Идти путем отшельника и Будды.

– Разве такой великий грешник, как я, может стать отшельником?

³ См.: С. Ф. Ольденбург и др. «Пять лекций по буддизму».

– Конечно, Друкчен.

– И вы отпустите меня, чтобы я смог ступить на этот путь? Я ведь ваш слуга, госпожа.

А еще у меня есть маленький сын.

– У тебя есть сын?

– Да, госпожа, мой отросток греховной плоти.

– Сколько ему лет?

– Минуло два года, госпожа. Он еще совсем маленький.

– И тем не менее ты оставил его, чтобы служить мне. На чем он попечении?

– Моей дальней родственницы, госпожа.

– Нельзя доверять родственникам собственную плоть. А где же его мать?

– Умерла, госпожа.

– Тем лучше. Друкчен, когда ты выздоровеешь и перед тем, как станешь на путь бодхисатв, ты должен выполнить мое поручение.

– Да, госпожа.

– Ты вернешься в земной мир и привезешь оттуда к нам, сюда в Шамбалу, своего сына.

После чего можешь идти в отшельники. А о сыне твоём позабочусь я и мой будущий супруг.

– Вы безмерно добры, госпожа. Но что, если сын мой за все это время умер?

– Тогда мы поскорбим о нём. А теперь отдыхай, Друкчен. Я покину тебя до завтра.

Друкчен остался один. Из головы у него не шел рассказ о Будде, разговор об отшельничестве и о сыне.

Он долго лежал, бодрствуя, но наконец его сморило. И ему приснился удивительный сон.

Друкчену приснилось, что он совершенно здоров, кожа его чиста от язв, струпьев и ожогов. Он стоит обнаженный посреди роскошных палат, и тут в палаты входят прекрасные девы со свитками тканей в руках. Друкчен краснеет и прикрывается, но девицы не смущены.

– О господин, нам велено одеть вас, – говорит самая красивая из них.

Девицы одевают Друкчена в роскошные одежды из шелка, кисеи и парчи. Друкчен даже чувствует, как жесткий парчовый ворот натирает ему шею.

Девицы подводят Друкчена к огромному бронзовому зеркалу, вделанному в стену:

– Взгляните на себя, господин, вы настоящий царевич!

И Друкчен понимает, что отныне он – Сиддхартха Гаутама, великий просветленный. Он воспринимает это со спокойствием и хочет кликнуть своего возничего, чтобы ехать осматривать сады, но тут появляется бог.

Это хитрый и лукавый бог Мара-искуситель. Он язвительно хохочет, и глаза его сверкают усмешкой.

– Что, Гаутама, – говорит он, – недолгим оказалось твое отшельничество. Вот ты снова во дворце и предаешься неге.

– Я пришел за своим сыном, – говорит Друкчен – Гаутама.

– Ты же хотел его увидеть, когда станешь Буддой, – смеется Мара-искуситель.

– Я стал Буддой, неужели ты не заметил этого, Мара?

– О нет, если ты собираешься заботиться о сыне, ты не Будда.

– Что же мне, отдать его на растерзание шакалам?

– Отдай его мне, – говорит Мара. – Я сумею воспитать его как должно.

– Нет, – говорит Друкчен. – Я не поддаюсь тебе, и сын мой не поддастся.

И тогда Мара пропадает, а двери в комнату открываются, и в них показывается женщина удивительной красоты. В руках она несет по спеленутому ребенку.

– О господин, – говорит красавица, – один из этих сыновей твой. Выбери одного, тот и будет твоим сыном.

Женщина кладет обоих детей на золотой престол и принимается их разворачивать. Первый ребенок пухлощекий, и кожа у него цвета персика, ручки и ножки крепкие, золотые волосы

выются, и на темени видна шишечка. Ребенок открывает глаза, и взгляд его подобен взгляду молодого орла.

Второй ребенок худой и бледный, на коже у него чешуйки, между пальчиками перепонки, как у лягушки. Взгляд у дитяти тусклый и жалобный, чувствуется, что материнского молока он недополучил.

– Вот мой ребенок! – говорит Друкчен, указывая на худородного. Сердце его содрогается от жалости к нему.

– Ты хорошо выбрал, господин, – говорит женщина. – Возьми своего сына и ступай путем спасения. И да осияет тебя свет Самадхи!

Друкчен берет мальчика и оказывается в саду. Сад прекрасен: на деревьях множество плодов, а в пруду плавают красные лотосы.

Младенец у него на руках открывает глаза. И Друкчен поражается тому, насколько хитрый и лукавый у столь невинного создания взор.

– Дитя, – шепчет испуганный Друкчен, – что с тобой случилось?

– Я не твое дитя, – говорит мальчик. – Отпусти меня.

Глаза ребенка вспыхивают, как расплавленный металл, да и тельце его становится раскаленным, ярко-красным. Пеленка воспламеняется и превращается в пепел. Руки Друкчена горят, но он понимает, что должен удержать ребенка во что бы то ни стало, иначе мир рухнет.

– Пусти меня! – визжит младенец.

И Друкчен вместе с ним падает в пруд. Красные лотосы смыкаются над его головой. Друкчен на миг теряет сознание, а потом видит, что ребенок превратился в огромного змея с красной и золотой чешуей, с огромными раскаленными очами, с лапами и когтями, способными разорвать любую плоть.

Змей ревет, и вода вокруг него бурлит, закипая. Друкчен, обожженный и измученный, кое-как выбирается из пруда. И тут он видит дивное существо, сотканное из света. По виду это мужчина, облаченный в боевые доспехи. Глаза его светятся как сапфиры, а в руках он держит по мечу.

– Господин, – шепчет Друкчен, – зачем тебе два меча?

– Один меч носит имя Возмездие, другой же – Справедливость, – говорит воин. – Я пришел убить чудовище.

– Как твое имя, господин?

– Я Лаканатха, Повелитель Миров. Чудовище – мой сын, способный погубить все миры. Я должен остановить его.

На этих словах Друкчен проснулся. На душе у него было беспокойно от этого сна. Столько странностей... Вот бы рассказать сон принцессе! Быть может, она призовет снотолкователей, и они разберут сон Друкчена по частям, помогут ему понять, что ждать от грядущих дней.

Занавесь колыхнулась.

– Кто здесь? – спросил Друкчен.

Занавеска отодвинулась, впуская в комнату лекаря.

– А, господин Гамба, – сказал Друкчен. – Мне сегодня хуже, я видел плохой сон.

– Друкчен, тебе не может быть хуже. Ты уже чувствуешь свое тело. Пошевели руками и ногами.

Друкчен повиновался и с радостью понял, что руки и ноги ему вполне подвластны.

– Целебный раствор вылечил тебя, слуга принцессы. Ты получил новые мышцы, новые органы, новую кровь и новую кожу. Благодарю за это не только богов, но и мастеров Шамбалы. Можешь встать с моей помощью.

Лекарь протянул Друкчену руку, тот оперся на нее и неожиданно для себя легко встал со своего целительного ложа. Он оглядел себя. Был он наг, но его новая кожа светилась, как драгоценная одежда. И еще Друкчену показалось, что он стал выше.

– Я сам себя не узнаю, – прошептал он.

– Ты привыкнешь к своему новому виду, – заверил его лекарь. – А пока идем. Ты должен одеться. Тебя хочет видеть принцесса Ченцэ.

Россия, город Щедрый

Весна 2012 года

Глеб рассказывал интересно.

Только неправду.

Лиза спокойно и не подавая виду, что сечет готскую ложь, ела пирожное. А Глеб разливался соловьем о том, как он побывал на великой коре Кайласа, как ездил в Лхасу и чуть ли не нашел Шамбалу. Наконец Лизе это надоело. Она отодвинула тарелку с остатками пирожного, допила кофе и сказала:

– Все, Глеб, мне пора.

Тот удивился:

– Неужели мой рассказ тебя не впечатлил?

– Впечатлил. Фантазия у тебя хорошая. Но извини, я сейчас не склонна слушать байки.

– Что значит «байки»?

– То и значит. Ты все врешь. Никогда ты не был в Тибете.

Глеб густо покраснел:

– Как ты догадалась?

– Ну, дружок, я все-таки по этой теме работаю. А вот объясни мне, с чего ты решил говорить со мной про Тибет?

Глеб помолчал, а потом брякнул:

– Я телепат.

– Угу. Мысли, значит, читаешь.

– Читаю. Нет, честно!

– Ну и о чем я сейчас думаю?

– Сейчас ты думаешь о том, как я тебя достал. Я не хотел доставать. Просто хотелось пообщаться. А насчет баек... Ты тоже врала про мужа-логиста и так далее.

– Блин, извини, врала. Но это странно!

– Что странно?

– Ну, парни твоего возраста обычно общаются с девушками своей, как бы это сказать, возрастной группы. А я тебе в старшие сестры гоюсь.

– Возраст – дело десятое. Главное, чтобы людям было друг с другом интересно. А вот сейчас ты думаешь, как же я прав и вам с Лекантом было не до подсчета лет...

Лиза побледнела.

– Ты это... не зарывайся, – сказала она Глебу. – Телепат нашелся.

– Извини. Это что-то очень личное?

– Да.

– Он сделал тебе больно? В смысле душевно?

– Слушай, какое тебе дело?!

– Просто я еще одним даром обладаю.

– Все интересней и интересней, – резко бросила Лиза. – И что это за дар?

– Я – Даритель Забвения. Слышала про таких?

Лиза снова побледнела:

– Нет.

– Но ты знаешь, наверное, что все люди по своему психосоматическому типу делятся на Дарителей и Поглотителей. Или, как еще называют, Вампиров и Доноров.

– Да, об этом я слышала.

– Ну вот. Дарители и Поглотители бывают разные. Поглотители могут поглощать негативную или позитивную энергию человека, а Дарители могут дарить или внушать негатив или же позитив. Я могу внушать забвение, дарить только хорошие воспоминания, а тяжелые изглаживать из памяти. Этот парень, Лекант, да, он ведь оставил о себе тяжелые воспоминания. Ну так я их сотру, а на их место подселю светлые воспоминания, хочешь?

Лиза дернулась как от тока:

– Нет! Не надо мне таких милостей!

– Да я от всего сердца... Я же вижу, как ты мучаешься. Ты меня от панков спасла, давай я тебя от Леканта спасу.

– Нет, – твердо сказала Лиза. – Нет.

– Тогда выговоришься, – спокойно предложил Глеб. – Тебе легче станет. Расскажи мне о нем все, что хочешь. Я умею быть слушателем.

– Не сомневаюсь, – сказала Лиза. – Но не в моих правилах открывать душу первому встречному. Извини. Мне пора.

Она положила деньги на столик.

– Это за кофе и пирожные.

– Лиза...

– Не спорь. Я всегда плачу сама за себя. Пока. Не попадайся больше панкам.

– Оставь мне свой телефон! – крикнул Глеб.

– Незачем, – покачала головой Лиза и быстро вышла из кафе.

Она шла по аллее Водопьяновского парка и заливалась слезами. Этот мальчишка разбредил незаживающие раны, унизил ее. Чем унизил? Да тем, что теперь любой желающий может посмотреть на нее и сказать: «Вот девушка, которую бросили». Или: «Вот девушка, у которой не удалась личная жизнь».

Ощущение причастности к жизни, яростного желания существовать, которое возникло у Лизы, пока она дралась с панками, исчезло без следа. Снова навалилась тоска и депрессия. И боль, которая выедала сердце изнутри.

– Может быть, зря я не согласилась на помощь этого мальчишки? – спросила себя Лиза. И тут же ответила: – Нет. Я должна помнить. А еще я должна устроиться на работу. Куда угодно, лишь бы быть все время на людях. Хватит прятаться в нору.

Лиза вышла из парка и направилась к оккультному магазину мадам Жервезы. Вспомнила, что мадам Жервеза еще не рассчиталась с нею за вышитые наговорным крестиком салфетки.

Лиза открыла дверь в салон. Звякнул колокольчик. Тут же попугай ара, которого недавно приобрела мадам Жервеза у какого-то отставного капитана, крикнул:

– Тр-рави стаксель помалу! Выпей с нами, кр-расотка!

Заколыхались занавески из бусин, отделявшие торговый зал от служебного помещения, и взору Лизы предстала мадам Жервеза. Мадам Жервеза была обрусевшей француженкой в надцатом поколении, но свои французские корни любила подчеркивать к месту и не к месту.

– О бонжур, ма шер Лиз! – проворковала мадам Жервеза. – Вы за деньгами?

– Здравствуйте. Нет, я еще могу подождать. Мадам Жервеза, у меня к вам вопрос личного характера.

– Все что угодно, милочка.

– Вам не требуется сотрудник в ваш магазин?

– Вы хотите предложить себя?

– Да.

– О мон дьё, дорогая девочка! Я понимаю, вам сейчас трудно... Но... Мой бизнес не процветает, я едва наскребаю денег на налоги и мне совершенно невозможно взять кого-либо на работу. Даже вас, милая.

– Жаль...

– Но постойте! У меня есть идея! Совсем недавно ко мне заходил профессор Верейский и сетовал на то, что у него нет лаборанта, который бы помогал ему в экспериментах с эктоплазмой. Он оставил мне телефон. Звоните немедленно! Наверняка он еще не нашел себе сотрудника.

Мадам Жервеза принесла визитку профессора и протянула ее Лизе:

– Вот. Воспользуйтесь моим телефоном.

– Благодарю вас, но у меня есть сотовый.

– Ах, ну как угодно.

Лиза не стала звонить в присутствии любопытной мадам Жервезы, покинула магазин и дошла до сквера. Там она села на скамейку и набрала номер с визитной карточки.

Сначала были длинные гудки, потом глуховатый мужской голос отозвался:

– Алло!

– Здравствуйте. Вы профессор Верейский?

– Да. С кем имею честь?

– Меня зовут Лиза Камышева. Мне посоветовала к вам обратиться мадам Жервеза. Она сказала, что вам требуется лаборант.

– Совершенно верно, требуется. Приходите к шести часам вечера на улицу Луначарского, дом 78, квартира 2 в. Я буду ждать.

– Хорошо.

Лиза подумала было, что ввязывается в очередную авантюру, но потом решила, что ничего не теряет.

К шести вечера она уже прибыла по указанному адресу. Семьдесят восьмой дом по улице Луначарского был старой сталинской постройки и выглядел немного помпезно с колоннами и лепниной. Социалистический ампи́р. Домофона не было, вместо маленького заплеванного подъезда был широкий гранитный вестибюль с мозаичным полом и пальмами в кадках. И с вахтером за стойкой.

– Вы к кому, девушка? – строго спросил вахтер, когда Лиза ступила в вестибюль.

– В квартиру 2 в, к профессору Верейскому.

– Минуту, я позвоню ему.

Вахтер набрал номер на старинном черном дисковом аппарате:

– Илья Николаевич? Здравствуйте! К вам тут девушка. Ждете? Хорошо, пропущу.

Вахтер опустил трубку на рычажки аппарата и сказал:

– На второй этаж поднимайтесь. Можно без лифта.

– Спасибо, – поблагодарила Лиза.

Она по широкой, застеленной бордовым ковром лестнице поднялась на второй этаж и оказалась перед приоткрытой дверью темного дуба. Постучала.

– Входите! – донеслось из глубины квартиры. – Входите, я вас жду!

Лиза потопталась на дверном коврике и вошла. Прихожая была большая и освещалась небольшой запыленной двухрожковой люстрой. Вдоль одной стены вытянулись вешалки для одежды и стойки для зонтов; вдоль другой – высоченные книжные стеллажи, доверху забитые журналами и старыми газетами.

В коридор выглянул мужчина. Было ему около семидесяти, а может, и поменьше. Мужчина облачен был в домашний спортивный костюм от «Адидас» и кроссовки.

– Вы Лиза? – спросил он.

– Да.

– Верейский. Вы можете звать меня Илья Николаевич или просто профессор. – Мужчина подошел к Лизе и пожал ее руку. – Проходите, не стесняйтесь. Я покажу вам свой кабинет. Там вы будете мне помогать.

Кабинетом Ильи Николаевича оказалась довольно солидных размеров комната. Здесь было все, что должно быть в кабинете уважающего себя профессора: книги в застекленных шкафах, два рабочих стола: один, заваленный бумагами и журналами, другой – с новехоньким компьютером и периферией. Еще были полки, заставленные странной на вид аппаратурой и посудой, содержащей внутри что-то вроде клейстера. Большой эркер был занавешен светлой органзой, напоминавшей одеяния призрака.

– Ну как, впечатляет? – спросил Илья Николаевич Лизу.

– Да. А что именно вы изучаете, профессор?

– Хорошо, что вы задали этот вопрос. Я изучаю два довольно редких явления: формирование эктоплазмы и феномен электронных голосов. Вам понятно, что это такое?

– Не совсем.

– Ну а что такое эктоплазма, вы знаете?

– Боюсь, что...

– О, да вы совсем невинны в спиритуалистических вопросах! Что ж, тем лучше. Мне как раз нужен помощник с незамутненным психическим видением. Но для начала присядем.

Профессор и Лиза сели напротив друг друга в старинные кресла, и Илья Николаевич заговорил:

– Начнем с эктоплазмы. Это вязкая, традиционно белая или тона лунного камня субстанция, которая выделяется из отверстий тела медиума во время транса. Считается, что из эктоплазмы состоит оболочка духа умершего при его материализации на спиритическом сеансе. Понятно?

– Не совсем. То есть эта эктоплазма – она действительно существует?

– Существует. В процессе спиритического сеанса. Но затем исчезает, когда медиум выходит из транса. Моя задача, а теперь и ваша, – суметь поймать эктоплазму, уловить тот момент, когда она из субстанции превращается в ничто.

– Понимаю. Значит, вы проводите спиритические сеансы?

– Разумеется. Каким же еще образом я смогу ввести медиума в транс и поручу ему общение с миром потустороннего. Кстати, в вашем голосе прозвучал скептицизм, когда вы говорили про спиритический сеанс. Не так ли?

– Простите, Илья Николаевич, но до сей поры я полагала, что спиритический сеанс – это то, чем балуются подростки.

– Что ж, подростки балуются и магией, но от этого она не перестает быть солидным блоком знаний, если мне позволите так выразиться. Ведь что такое спиритизм? Или, если точнее выразиться, спиритуализм? Это практически религиозный культ, основанный на вере в загробную жизнь, вере в возможность общения с миром духов посредством медиумов или напрямую. Спиритизм возник, кстати, не так уж и давно – в тысяча восемьсот сорок восьмом году, когда две американки, сестры Фокс, заявили, что имели двусторонний контакт с духами из потустороннего мира. Кто-то поверил им, кто-то нет, но спиритуализм пустил корни. Медиумов стало больше... Кстати, вы знаете, кто такой медиум?

– Представляю, но очень слабо.

– Медиум – это человек, который регулярно общается с духом умершего индивидуума, будучи в состоянии транса. Посредством медиума умерший дух говорит с живыми. Духовный медиум передает сообщения духа в письменной или устной форме. Физический медиум присутствует среди людей и является источником паранормальных эффектов, например столоверчения или даже материализации.

– Во все это трудно поверить...

– Милая девочка, мы же живем в Щедром! Здесь паранормальные явления случаются чаще, чем где бы то ни было. Кстати, если угодно, вы сегодня можете присутствовать при спиритическом сеансе и наблюдать за появлением эктоплазмы.

– Спасибо. Я, безусловно, буду. Тем более ведь это теперь моя работа.

– Да, кстати о работе. Вы будете выполнять небольшой, но четко очерченный круг обязанностей и получать, мм, пока пять тысяч рублей в месяц. Если вы будете прилежны, зарплата возрастет. Вас это устраивает?

– Вполне.

– А теперь расскажите мне немного о себе, Лиза. Вы учитесь?

– Нет, я пишу диссертацию.

– О чем?

– О священной горе Кайлас в Тибете.

– Какая оригинальная для нашего Щедрого тема! Впрочем, у нас тоже есть священные горы. Во всяком случае, холмы. И там происходит масса паранормальных явлений. Экстрасенсы просто с ума сходят. Д-да... Ну а теперь немного о феномене электронных голосов. Его я тоже изучаю, правда, с меньшим успехом – нет подходящего оборудования и помещения. Феномен электронных голосов – это феномен, при котором на чистой магнитной ленте обнаруживаются записанные непонятным образом загадочные звуки. Обычно считается, что это звуки, которые издают духи. У меня есть несколько кассет с такими звуками. Как-нибудь прослушаете.

Илья Николаевич хлопнул по коленям и сказал бодро:

– Будем считать, Лиза, что наше знакомство состоялось, а посему надо за это дело выпить по сто грамм коньячку.

– Ой...

– Никаких «ой»! Вы, Лиза, вступаете в зону неизведанного и потрясающего. Коньяк тут просто необходим.

– Хорошо, – улыбнулась Лиза.

Профессор вышел, а затем вернулся, катя впереди себя сервировочный столик. На столике красовалась бутылка «Камю», нарезанные лимоны и крохотные канапе.

– Канапе готовила моя дочка, – сказал профессор. – Она у меня умница, хотя и материалистка до мозга костей. Диссертацию докторскую защитила по экономике. Зато внук – моя надежда. Мне кажется, он отличный медиум и экстрасенс. Сегодня после спиритического сеанса я вас познакомлю.

– Хорошо.

– Сеанс начнется в девять вечера, а пока вы можете погулять и, кстати, предупредить родственников о том, что задержитесь. И что получили работу.

– О да. Я позвоню. Я могу идти?

– Конечно! Но в девять я вас жду.

– Я непременно буду.

Лиза вышла из дома профессора со смешанным чувством. С одной стороны, она считала спиритизм шарлатанством, а с другой – было просто интересно. И почему бы не развлечься? Невозможно только и делать, что рыдать по Леканту. Он наверняка и думать о ней забыл в своей Шамбале.

Лиза села в троллейбус, чтобы добраться до дома. Она с родителями уже давно не жила в деревне Приколье, в домике своей подружки Ванессы. Им удалось взять кредит и купить квартиру, небольшую, но приличную. Теперь мама и папа работали как негры на плантации, чтобы обеспечивать своевременную выплату процентов. Вот Лиза и решила, что пора ей прекращать прекрасное безделье.

Родители были дома.

– Дочка, привет! – Мама высунулась из кухни и продемонстрировала новый передник. – Как дела? Где тебе бродилось?

– О, у меня очень насыщенный день! – сказала Лиза, сбросила туфли и прошла в кухню. – Супчику никакого не найдется?

– А как же! Я сварила сегодня харчо. Мой руки и садись.

– А где папа?

– На заседании своих свободнороссов, разумеется.

Лизин отец в последнее время резво ударился в политику. Вместе с несколькими агрессивно настроенными пенсионерами он организовал общество «Свободная Россия» и когда не работал, то пропадал там. «Свободная Россия» боролась за прибавку пенсий и введение ограничений для оккультных форм существования. Каких ограничений – непонятно. Лиза говорила папе, что вся эта политика – ерунда и нет смысла ограничивать, например, ведьм в их полетах, но папа был непреклонен. И пенял дочери за то, что она водится с оккультистами. Как будто уже забыл, что главная оккультистка, Юля Ветрова, и восставила когда-то его дочь из мертвых.

Лиза налила себе харчо и принялась за еду. Мама уселась рядом – поглощать «Активию». Мама снова была на диете.

– О, мама, я сегодня получила работу, – сказала Лиза. – Правда, папа ее не одобрит.

– Что за работа?

– Лаборанткой у профессора Верейского. Ты что-нибудь слышала о профессоре Верейском?

– Разумеется. Оккультист первой величины. С дочкой у него конфликт. Живет одиноко, все время в работе. Слушай, Лизка, а ведь он еще не старый!

– У него взрослый внук.

– Ну и что?! Это сейчас модно – выходить замуж за старичков. Представляешь, ты – жена профессора Верейского! Ой, я обязательно об этом помолюсь и схожу в храм свечку поставлю.

– Мама, я не выйду замуж.

– Лиза, пора понять, что Лекант тебя бросил безвозвратно. Пора проснуться от спячки. Ты красавица, умница – и страдаешь из-за какого-то мужика. Мое сердце разрывается, глядя на это!

– Мама, успокойся. От волнения появляются мимические морщины.

– Вот-вот, а ты не хочешь покоя для родной матери! Ну ладно, это все детали. Когда ты приступаешь к работе у профессора?

– Сегодня в девять вечера. Будет медиумический сеанс. Моя задача – собирать эктоплазму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.